

мѣрное для другихъ, подлинныхъ, текстовъ евангельскихъ,— г) отсутствіе перикопы во многихъ древнѣйшихъ памятникахъ евангельскаго текста и д) первоначальное появленіе ея въ Египетско-малоазійской рецензії (кодексъ D), такъ какъ Александрія въ первохристіанскую эпоху имѣла близкія и постоянныя общенія съ Ефесомъ, какъ это видимъ на примѣрѣ Аполлоса (Дѣян. 18, 24 и 19, 1), причѣмъ хранителемъ и распространителемъ преданій Іоанна Богослова, кромѣ Поликарпа и др., могъ быть и Папіей Іерапольскій, изложившій въ своихъ *λογίων χρονικῶν ἐξηγήσεις* и исторію о женѣ, обвинявшейся предъ Господомъ во многихъ грѣхахъ, какую исторію, вѣроятно изъ общаго съ Папіемъ источника, имѣло и евангеліе евреевъ, такъ какъ и Палестина находилась въ близкихъ сношеніяхъ какъ съ Малою Азією (Ефесомъ), такъ и съ Александрією.

По всѣмъ указаннымъ достоинствамъ своимъ, при частномъ характерѣ и удобоустранимости своихъ недостатковъ, сочиненіе о. Веніамина должно признать не только вполне удовлетворительною кандидатскою диссертациєю, но и трудомъ, заслуживающихъ полнаго одобренія“.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Таръева*:

„Къ числу недостатковъ названной работы нужно отнести, прежде всего, бросающуюся въ глаза неотшлифованность языка въ значительной части сочиненія—преимущественно въ первой половинѣ, текстологической, но свойственную и второй половинѣ работы, экзегетической. Вотъ немногіе примѣры. Стр. 9: „Исключительная личность Христа Спасителя и Его особое значеніе для христіанина естественно должны вызывать всякую неподдѣльную радость, когда путемъ даже неписаннаго преданія намъ сообщается что либо изъ земной жизни нашего Искупителя, которое не только не противорѣчитъ церковному сознанию, но имъ принимается и одобряется“. Стр. 233: „Посланичество потому не должно быть сомнительнымъ для іудеевъ, что Онъ къ Отцу возвращается и тогда уже будетъ недостижимъ для нихъ (Іоан. VII, 32—34). Внутренняя истинность его рѣчи связала тѣ руки, которыя хотѣли на Него наложить (VII, 30)“. Стр. 242: „для ев. Іоанна необычно это стремленіе схватить на словѣ для осужденія“. Стр. 413: „Какъ открытіе нѣкимъ Іосифомъ Маріамнѣ при-

каза Ирода, ея касающагося, привело царя къ заключенію, что открытія не могло бы быть, если бы Иосифъ не прелюбодѣйствовалъ съ нею“. 436: „Впрочемъ, думается, вполне достаточно способно быть такое объясненіе“. Такая необработанность стиля обычно у автора является результатом дурного перевода съ нѣмецкаго, но онъ небрежно заимствуетъ и изъ русскихъ пособій. Такъ стр. 511: „Отсюда понятно, насколько законъ для іудеевъ былъ высочайшимъ благомъ, настолько и невыносимымъ игомъ. Вотъ почему, окутанный со всѣхъ сторонъ предписаніями и іудей всегда встрѣчался съ возможностью грѣха“—ср. не указаннаго авторомъ *Основы христіанства* II, стр. 124. 127: „При этомъ самый законъ былъ для іудея одновременно и высокимъ благомъ и тяжелымъ игомъ... Спеленатый множествомъ законовъ и правилъ, іудей ежеминутно встрѣчался съ возможностью грѣха“.

Въ связи съ этою особенностью рецензируемаго сочиненія, слѣдуетъ отмѣтить его школьническую зависимость отъ пособій.

Но достоинствомъ работы о. В. Платонова является то, что онъ основательно изучилъ и использовалъ много хорошихъ текстологическихъ и экзегетическихъ пособій, особенно извѣстный трудъ Soden'a.

Въ основномъ рѣшеніи задачъ, вытекающихъ изъ поставленной темы, авторъ стоитъ вполне на вѣрномъ и плодотворномъ пути, проложенномъ гипотезою проф. М. Д. Муретова. Съ этой стороны его работа не только не вызываетъ существенныхъ возраженій, но и заслуживаетъ рѣшительнаго одобренія“.

26) О сочиненіи студента священника Покровскаго *Теодора* на тему: „Ученіе Анзельма и Томы Аквината объ искупленіи“.

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Д. Бѣляева:

„Сочиненіе священника Теодора Покровскаго распадается на введеніе, три части изслѣдованія и заключеніе. Во введеніи онъ даетъ „краткій историческій очеркъ ученія объ искупленіи отцовъ и учителей Восточной и Западной христіанской церкви до Анзельма“ (I—LXXIV стр.). Въ первой части сочиненія изложено по порядку, глава за главой, содержаніе сочиненія Анзельма: *Cur Deus homo* (1—157 стр.).

Во второй части столь же подробно излагается учение об искуплении *Томы Аквината*, раскрытое в первой книгѣ третьей части его сочинения *Summa totius theologiae*. Часть третья посвящена критическому разбору учения *Анзельма* и *Томы Аквината* об искуплении (348—456 стр.). В первой главѣ этой части указано „взаимное сходство и различіе между учениемъ *Анзельма* и *Томы Аквината* об искупленіи“; во второй главѣ данъ „критическій разборъ учения *Анзельма* и *Томы Аквината* об искупленіи“, указаны „недостатки и достоинства сего сочиненія“; в третьей главѣ раскрыто „происхожденіе теории сатисфакціи *Анзельма* и вліяніе схоластики на ученіе *Анзельма* и *Томы Аквината* об искупленіи“. В заключеніи кратко обозначено „вліяніе ученія *Анзельма* и *Томы Аквината* об искупленіи на раскрытіе этого догмата въ послѣдующія времена“.

Уже изъ этого краткаго обзора содержанія сочиненія священника *Теодора Покровскаго* можно догадаться, что оно имѣетъ важное достоинство труда самостоятельнаго. Онъ ознакомился съ учениемъ *Анзельма* и *Томы Аквината* об искупленіи не по извлеченіямъ, которыя онъ могъ найти въ исторіяхъ догматовъ и въ специальныхъ изслѣдованіяхъ об искупленіи, какъ это есть даже и въ магистерскихъ сочиненіяхъ, напр., въ диссертациі *Свѣтлова*, а по сочиненіямъ *Анзельма* и *Томы Аквината*, которыя онъ изучилъ обстоятельно, а потому и ученіе ихъ об искупленіи изложилъ вѣрно, полно, подробно, чего отнюдь нельзя сказать о богословахъ, черпающихъ это ученіе изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Можно упрекнуть автора сочиненія за то, что онъ уже слишкомъ подробно, иногда и съ повтореніями, изложилъ ученіе об искупленіи *Анзельма* и *Томы Аквината*.

Обстоятельное, по латинскимъ первоисточникамъ, изученіе теорій *Анзельма* и *Томы Аквината* дало автору сочиненія твердую почву для критики этихъ теорій. Только недовѣріе къ своимъ силамъ, свойственное пишущимъ ученые труды на школьной скамьѣ, а можетъ быть и недостатокъ времени понудили автора сочиненія при критическомъ разборѣ теорій *Анзельма* отдаться подъ руководство *Эмиля Гёне*, воспользовавшись его латинской диссертацией. В сочиненіи священника *Покровскаго* подробно указаны недостатки тео-

ріи Анзельма, но умолчано о достоинствахъ ея,—не сказано, какія положенія православный богословъ можетъ заимствовать изъ этой теоріи безъ ущерба для вѣры и съ пользой для науки. Одну изъ задачъ своего сочиненія—„дать отвѣтъ на вопросъ: въ какомъ отношеніи ученіе Анзельма и Томы Аквината стоитъ къ древне-отеческому ученію?“ (LXXIV стр.) онъ не выполнялъ. Вслѣдъ за критическимъ разборомъ теоріи Анзельма идетъ разборъ ученія объ искупленіи Томы Аквината. Оцѣнка достоинствъ и недостатковъ ученія Томы Аквината объ искупленіи удачно пополнена указаніями на черты сходства и различія между ученіями объ искупленіи Анзельма и Томы Аквината.

Для присужденія автору сочиненія степени кандидата оно вполне достаточно“.

5) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Сочиненіе свящ. Покровскаго распадается на введеніе и три отдѣла, подраздѣленные на главы.

Введеніе содержитъ изложеніе сотеріологическаго ученія отцовъ и учителей древней церкви и преслѣдуетъ двоякую цѣль—съ одной стороны, пролить свѣтъ на происхожденіе теоріи Анзельма и Томы Аквината (стр. III), съ другой—выяснить православное ученіе объ искупленіи, чтобы въ послѣдствіи воспользоваться имъ какъ критеріемъ для критической оцѣнки сотеріологии изучаемыхъ мыслителей. Такая двойственность въ исходномъ пунктѣ сочиненія должна была отразиться неблагоприятными послѣдствіями на дальнѣйшемъ ходѣ работы. Если имѣлось въ виду указать во введеніи слагаемая, изъ которыхъ составила теорія Анзельма, а затѣмъ и Томы Аквината, тогда, во-первыхъ, не слѣдовало вносить въ третій отдѣлъ особой главы, трактующей именно о происхожденіи теоріи Анзельма, а во-вторыхъ, во введеніи нужно было опустить ученіе всѣхъ тѣхъ отцовъ церкви, которые не оказали вліянія на Анзельма, хотя бы ихъ авторитетъ въ православномъ богословіи и былъ очень высокъ. и взамѣнъ этого подробнѣе изслѣдовать элементы, вошедшіе въ составъ теоріи схоластическаго богослова, хотя бы они извлекались изъ сочиненій авторовъ, не обладающихъ большимъ авторитетомъ въ вѣроученіи. Если же, наоборотъ,

было желательно выяснитъ православное ученіе объ искупленіи, тогда необходимо было выдвинуть первыхъ, а опустить вторыхъ.

Два первыхъ отдѣла главной части сочиненія посвящены изложенію ученія Анзельма и Ѳомы Аквината объ искупленіи. Хотя авторъ имѣлъ дѣло съ писателями, оставившими спеціальныя трактаты по данному вопросу, и этимъ обстоятельствомъ былъ освобожденъ отъ необходимости перечитывать всѣ ихъ сочиненія и выяснять для себя ихъ ученіе на основаніи сопоставленія разбросанныхъ повсюду отдѣльныхъ замѣтокъ, выраженій и параллельныхъ мѣстъ, что обыкновенно беретъ такъ много времени и вниманія, однако эта часть работы составляетъ важнѣйшую заслугу автора. Она покоится на добросовѣстномъ изученіи источниковъ и очень обстоятельно воспроизводитъ ученіе объ искупленіи корифеевъ средневѣкового богословія.

Третій отдѣлъ требовалъ отъ автора наибольшей самостоятельности. Въ немъ производится сравненіе между теоріей Анзельма и Ѳомы Аквината, дается критическая оцѣнка ихъ ученія, выясняется его генезисъ и отраженіе въ немъ схоластическаго метода. Что касается сличенія двухъ богословскихъ теорій, то оно произведено авторомъ безъ посторонней помощи, но страдаетъ дробностью и не сведено къ немногимъ существеннымъ различіямъ, характеризующимъ того и другого писателя. Менѣе оригиналенъ авторъ въ критикѣ ученія Анзельма и Ѳомы. Указаніе недостатковъ соціологіи Анзельма почти полностью покоится на книгѣ Aemil. Hoehne, *Anselmi Cantuariensis philosophia etc.*, добросовѣстно, впрочемъ, цитуемой, хотя въ довольно странной формѣ („Эмиль говоритъ“, Hoehne, *Dissertatio inauguralis*). 3-ья глава третьяго отдѣла (происхожденіе теоріи сатисфакціи Анзельма и вліяніе схоластики на ученіе Анзельма и Ѳомы Аквината объ искупленіи) также составлена главнымъ образомъ по книгамъ Kölling'a *Satisfactio vicaria*, Бриллиантова—Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скотта Эригены и уже названнаго сочиненія Hoehne и потому не даетъ сравнительно съ ними ничего новаго. Зависимость отъ этихъ сочиненій объясняетъ нѣкоторую несогласованность между отдѣльными тезисами изслѣдованія автора. Такъ на стр. 412 говорится: „Анзельмъ

ввелъ въ теологію спеціальнѣйшій терминъ для обозначенія сущности искупленія — *satisfactio*, каковаго термина не знала древняя христіанская церковь“. Между тѣмъ на стр. 431—432, со словъ Ноеппе, авторъ совершенно правильно излагаетъ исторію этого термина, впервые использованнаго Тертуллианомъ и получившаго свое примѣненіе къ догмату искупленія уже въ сочиненіяхъ Иларія Пиктавійскаго и Амвросія Медиоланскаго. Пользуясь указаніями литературы, авторъ могъ бы подробнѣе разработать вопросъ о генезисѣ излагаемыхъ имъ теорій. Для этого ему нужно было ознакомить читателя съ первоначальнымъ значеніемъ терминовъ *satisfactio* и *meritum* по сочиненіямъ Тертуллиана, обстоятельнѣе изложить ученіе бл. Августина и папы Григорія Великаго, съ большимъ вниманіемъ отнестись къ сочиненію Кремера о вліяніи на Анзельма германскаго права, сообщавшаго новый смыслъ римскому понятію *satisfactio* и изложить ученіе Абеяра не въ заключеніи, а именно въ этомъ отдѣлѣ, такъ какъ оно, уравнивѣсивъ крайности Анзельмовой теоріи, опредѣлило въ значительной степени ученіе Томы Аквината. Наоборотъ, авторъ совершенно напрасно поспѣшилъ согласиться съ Коллингомъ, который ставитъ ученіе Анзельма въ зависимость отъ сотеріологіи Аѳанасія Великаго, такъ какъ сочиненія св. Аѳанасія въ это время совершенно не были извѣстны Западу, и въ частности Анзельмъ ни однажды не упоминаетъ имени этого отца церкви. Нельзя признать достаточнымъ и то, что говоритъ авторъ о схоластическомъ методѣ изучаемыхъ имъ писателей. Во-первыхъ, онъ не идетъ далѣе популярнаго представленія объ этомъ методѣ, когда характеризуетъ его словами: „въ стремленіи дать точное изложеніе предмета, точное опредѣленіе понятій и раздѣленіе ихъ на общія и частнѣйшія съ одной стороны,—въ однообразіи формы, совершенной искусственности и сухости изложенія—съ другой, нельзя не видѣть особенностей схоластическаго богословія“. Во-вторыхъ, онъ не отмѣчаетъ различія въ методѣ между Анзельмомъ и Томой Аквинатомъ и не выясняетъ вліянія *Sic et non* Абеяра и Сентенцій Петра Ломбарда на возникновеніе этого различія.

Въ общемъ сочиненіе свящ. Покровскаго, хорошо ознакомившагося и съ источниками, и съ литературой предмета, и съ ученіемъ отцовъ церкви объ искупленіи, производитъ

очень хорошее впечатлѣніе и должно быть признано вполне удовлетворительнымъ“.

27) О сочиненіи студента священника *Попова Николая* на тему: „Хозяйственный бытъ древнихъ евреевъ по даннымъ Библии и мишны“.

а) Исправляющаго должность доцента священника *Е. А. Воронцова*:

„О. Поповъ въ своемъ сочиненіи описываетъ земледѣльческія занятія древнихъ евреевъ. Для изучающаго древне-еврейскій культъ бросается въ глаза тѣсная связь между аграрными занятіями и Богослуженіемъ, устанавливаемая Пятокнижіемъ Моисея, а потому работа о. Попова имѣетъ важное пропѣдевтическое значеніе для обзора ветхозавѣтнаго культа праздничныхъ дней (Песахъ—омеръ въ Авивѣ, Кафиръ въ Сиванѣ, Асифъ въ Тишри). Прежде чѣмъ приступить къ изложенію Библейскихъ и талмудическихъ данныхъ касательно агрикультуры о. Поповъ даетъ очеркъ по физической географіи Палестины, останавливаясь на поверхности Палестины со стороны ея рельефа (горы—долины), ея гидрографіи (рѣки—озера), ея темпестологии (роса, дожди, грозы, градъ, засуха); далѣе о. Поповъ говоритъ о строеніи почвы въ Палестинѣ въ разныхъ ея географическихъ частяхъ, причемъ къ этому отдѣлу (почвовѣдѣніе) примыкаетъ подготовитель о меліоративныхъ работахъ на поляхъ, особенно объ искусственномъ орошеніи и удобреніи. Изложеніе данныхъ объ еврейскомъ земледѣліи въ библейскія и раннія талмудическія времена открывается сообщеніемъ краткихъ историческихъ свѣдѣній о земледѣліи у культурныхъ народовъ древности. Земледѣльческія работы древнихъ евреевъ авторъ обзрѣваетъ по главнымъ фазамъ агрикультурнаго дѣла, начиная съ вспашки, переходя къ посѣву, къ генезису системъ полеводства (плодосмѣнъ), къ росту посѣвовъ и ихъ вредителямъ изъ животнаго и растительнаго царства (растительныя болѣзни); въ заключеніе рѣчи о земледѣліи авторъ разсматриваетъ молотбу и наконецъ ссыпку и храненіе зерноваго хлѣба (цистерны). Въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „Прибавленія“, авторъ трактуетъ о культурѣ нѣкоторыхъ овощей и техническихъ растений, упоминаемыхъ въ

Библии. Сочиненіе о. Попова отличается твердо выработаннымъ аналитическимъ методомъ изложенія, авторъ старательно перечиталъ мишну и тосефту въ относящихся къ его работѣ мѣстахъ, собралъ экзегетическія на нихъ замѣчанія, пытался и самостоятельно изучать и комментировать священный текстъ ветхозавѣтныхъ книгъ по еврейскому подлиннику. Но помимо академически-богословскаго элемента въ работѣ о. Попова замѣтна и обширная научно-ботаническая и сельско-хозяйственная эрудиція, что объясняется полученіемъ имъ до поступленія въ Академію высшаго образованія въ сельско-хозяйственной школѣ. Хорошій естествовѣдъ особенно замѣтенъ въ трактации отдѣла о хлѣбныхъ растеніяхъ и о вредителяхъ полей. О своей работѣ самъ о. Поповъ въ „вступленіи“ говоритъ, что чѣмъ болѣе онъ ей отдавался, тѣмъ болѣе открывались новые горизонты, а поэтому онъ считаетъ свое сочиненіе искусственно прерваннымъ наступленіемъ срока подачи. Неудовлетворенность своею работою, исканіе лучшаго вообще—добрый знакъ; авторъ считаетъ себя прошедшимъ лишь извѣстный этапъ въ дѣлѣ изслѣдованія древне-еврейскаго хозяйственнаго быта, а потому рецензентъ можетъ дать ему нѣкоторыя указанія касательно дальнѣйшаго пути работы: слѣдуетъ изучить аграрное законодательство въ ветхозавѣтныхъ памятникахъ (шевитъ, іовель и т. п.), уяснить детальнѣе отношеніе сельско-хозяйственнаго быта къ культу, особенно 2 храма; отдѣлъ о скотоводствѣ въ виду того, что онъ обреченъ на фрагментарную обработку, по неизвѣстности древне-еврейской зоотехніи,—можетъ оставаться внѣ поля зрѣнія изслѣдователя. Переходя отъ desideria къ наличности работы о. Попова, рецензентъ долженъ отозваться о ней съ похвалою его трудолюбію; научно-экзегетическія справки дѣлались имъ въ многочисленныхъ русскихъ и иностранныхъ пособіяхъ (на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ). онъ удачно транскрибируетъ и пунктируетъ еврейскій и арамейскій невокализированный текстъ талмуда, проявляетъ живое отношеніе къ своей темѣ, а потому вполне заслуживаетъ степени кандидата“.

б) Экстраординарнаго профессора Д. П. Введенскаго:

„Сочиненіе священника-студента Николая Попова, распа-

дающееся на нѣсколько отдѣловъ (поверхность почвы и естественное орошеніе Палестины въ связи съ ея флорой и фауной; климатъ Палестины; главные пласты палестинскаго грунта и почвовѣдніе; улучшение почвы и искусственное орошеніе; удобреніе; краткія историческія свѣдѣнія вообще о земледѣліи и самый способъ воздѣлыванія земли; посѣвъ; хлѣбныя растенія; полевая система и плодосмѣна; ростъ посѣвовъ, хлѣбные вредители и борьба съ ними; жатва; ссыпка и храненіе зернового хлѣба; прибавленіе), представляетъ изъ себя добросовѣстно выполненную работу.

При разработкѣ своей темы, о. Николай Поповъ обстоятельно ознакомился съ русскою и иностранною, преимущественно нѣмецкою, библейско-богословскою литературою. Пользуясь при своей работѣ полезнымъ ему и серьезнымъ трудомъ Vogelstein'a (*Die Zandurtschaft in Palestina zur Zeit der Misnah*), онъ, въ то же время, самъ, съ пониманіемъ дѣла, анализируетъ еврейскую терминологію. А это помогало ему при болѣе точномъ опредѣленіи характера продуктовъ земледѣлія въ древней Палестинѣ и сообщало основательность и серьезность его работѣ.

По существу своей библейско-богословской работы авторъ долженъ былъ поставить свое изслѣдованіе хозяйственнаго быта древнихъ евреевъ въ извѣстное соотношеніе съ религіознымъ культомъ и вообще съ религіозными вѣрованіями евреевъ, отражавшимися и въ его бытовомъ укладѣ. Эта задача и понята авторомъ изслѣдованія, хотя иногда и забывается имъ. И въ этомъ послѣднемъ главный недостатокъ рецензируемой нами работы—недостатокъ извиняемый, впрочемъ, тѣмъ, что тема работы заставляла автора оперировать съ очень большимъ матеріаломъ, который по недостатку времени лишалъ его возможности въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ устанавливать взаимоотношеніе между религіозною жизнію евреевъ и ихъ бытомъ.

Языкъ автора, за очень немногими исключеніями, правильный. Указанныя нами соображенія даютъ возможность признать, въ цѣломъ, изслѣдованіе священника-студента Николая Попова обстоятельною кандидатскою работою, которая въ печатномъ видѣ могла бы послужить полезнымъ пособіемъ для библеиста, изучающаго топографію и хозяйственный бытъ древнихъ евреевъ“.

28) О сочиненіи студента *Попова Николая* на тему: „Смѣшанные браки православныхъ съ раскольниками и сектантами по правиламъ и практикѣ Православной Греко-Россійской Церкви“.

а) Экстраординарнаго профессора *И. М. Громогласова*:

„Въ названномъ сочиненіи, послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ замѣчаній, имѣющихъ своею цѣлью установить каноническую квалификацію главныхъ разновидностей русскаго религіознаго неправомыслія и ввести специальную тему работы въ рамки „разсмотрѣнія вообще вопроса о смѣшанныхъ бракахъ“ (стр. 1—37), авторъ съ неодинаковою подробностью и не безъ отклоненій въ сторону отъ основной нити своихъ разсужденій пытается обосновать мысль объ отсутствіи богословско-догматическихъ (стр. 38—111), канонико-юридическихъ (стр. 111—167) и морально-практическихъ (стр. 167—211) препятствій къ церковному признанію такихъ браковъ дозволенными, подтверждая затѣмъ этотъ выводъ ссылками на многовѣковую практику церкви (стр. 211—231). Краткой формулировкой означеннаго вывода (на стр. 231—232) и заканчиваетъ г. Поповъ свою работу.

Главный недостатокъ ея заключается, на мой взглядъ, въ отсутствіи ясно намѣченнаго и строго выдержаннаго плана, что отразилось и на внѣшнемъ построеніи сочиненія, въ которомъ нѣтъ обычнаго дѣленія на главы или отдѣлы. Нельзя не отмѣтить, затѣмъ, нѣсколько спорныхъ, а иногда и прямо ошибочныхъ положеній, принимаемыхъ авторомъ за вполне доказанныя и не нуждающіяся въ научной провѣркѣ; таково, напр., замѣчаніе на стр. 59—60, гдѣ признаніе законности христіанскаго брака отождествляется съ усвоеніемъ ему значенія „тайны“; таковы же и разсужденія г. Попова (на стр. 27—37) о характерѣ русскаго сектанства въ богословско-каноническомъ отношеніи. Останавливаютъ на себѣ вниманіе неправильности языка, особенно во второй половинѣ сочиненія (стр. 161, 166, 170 и др.) и нѣкоторыя неудачныя выраженія, затемняющія или искажающія мысль автора (стр. 168, 169); попадаются досадныя описки, особенно въ иноязычныхъ текстахъ (стр. 67, 68, 125). При всемъ томъ

автору нельзя отказать ни въ достаточномъ знакомствѣ съ предметомъ своей темы, ни въ стремленіи углубить свои историко - каноническіе аргументы до принципиально-богословскихъ основаній. Признаю разсматриваемую работу достаточной для присужденія г. Попову кандидатской степени“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Избранный для изслѣдованія вопросъ авторъ разсматриваетъ такимъ путемъ: съ значительною подробностію онъ старается разсмотрѣть догматическія, историческія и канонико-практическія основанія для допустимости смѣшанныхъ браковъ вообще, и, признавъ ихъ вполнѣ достаточными, разрѣшаетъ въ этомъ смыслѣ и частный вопросъ о допустимости смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ раскольниками и сектантами.

Съ логической точки зрѣнія такая постановка правильна и цѣлесообразна. Но для разсматриваемаго сочиненія она оказалась не особенно удачной въ томъ отношеніи, что не дала въ сочиненіи мѣста болѣе подробному и обстоятельному разсмотрѣнію тѣхъ основаній воспрещенія смѣшанныхъ браковъ, какія имѣли мѣсто специально по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ. Увлечшись разрѣшеніемъ общаго вопроса о допустимости или недопустимости смѣшанныхъ браковъ, авторъ, можетъ быть, уже по недостатку времени, довольно бѣгло занялся каноническимъ и законодательнымъ матеріаломъ, относящимся специально къ смѣшаннымъ бракамъ православныхъ съ раскольниками.

Это, по моему мнѣнію,—главный недостатокъ сочиненія. Встрѣчаются въ изложеніи неточности и неправильности въ передачѣ текста иностранныхъ источниковъ.

Но на ряду съ этими недостатками сочиненіе имѣетъ и положительныя стороны, свидѣтельствующія о довольно значительномъ усердіи автора, приложенномъ къ изученію литературы предмета, и объ умѣнii пользоваться имъ для разрѣшенія данной темы.

Нахожу сочиненіе удовлетворительнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

29) О сочиненіи студента *Преображенскаго Виктора* на тему: „Московскіе митрополиты времени Грознаго послѣ митрополита Макарія“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Работа г. Преображенскаго представляет собою попытку дать научныя біографіи двухъ московскихъ святителей, непосредственныхъ преемниковъ знаменитаго Макарія, — Аванасія и св. Филиппа. Объ Аванасіи, сверхъ того, автору пришлось говорить и какъ о литературномъ дѣятелѣ — разобрать написанное имъ житіе преп. Даніила Переяславскаго, описать участіе въ составленіи Степенной книги.

Не отличаясь широкимъ кругозоромъ, авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на обзорѣ частныхъ фактовъ жизни и дѣятельности митр. Аванасія и св. Филиппа за время до поставленія его въ митрополиты. И дѣлаетъ это съ хорошей освѣдомленностью, полной добросовѣстностью, не скучая надъ установкой самыхъ мелкихъ подробностей. Нельзя не признать, напримѣръ, что нѣкоторыя замѣчанія автора по части біографіи Аванасія и житія Даніила Переяславскаго (стр. 8—12, прим.; 108—109, прим.) дѣльны и должны быть приняты. Въ біографіи св. Филиппа очень точно и обстоятельно описана его хозяйственная дѣятельность въ санѣ игумена Соловецкаго монастыря. Установка параллельныхъ мѣстъ къ текстамъ разбираемыхъ авторомъ житій — преп. Даніила и св. Филиппа (въ приложеніяхъ къ сочиненію) досталась автору путемъ огромнаго труда изученія житійной литературы. Таковы положительныя стороны разбираемаго сочиненія.

Укажемъ дефекты. Для исторіи митрополита св. Филиппа авторъ отчасти далъ лишь обработанный матеріаль — разобралъ со стороны литературныхъ источниковъ рѣчи святителя царю. Но мы всетаки не видимъ св. Филиппа въ самый важный моментъ его дѣятельности — при обличеніяхъ Грознаго и не можемъ сопоставить съ геройствомъ св. Филиппа поведеніе Аванасія. Сочиненіе отъ этого проигрываетъ въ цѣльности впечатлѣнія. Изъ біографіи Аванасія авторъ опустилъ извѣстіе о денежной цѣнѣ, взятой царемъ съ митрополита за обиду одному иностранцу (Карамз. IX, 52—53, пр. 168). Среди параллелей, установленныхъ авторомъ, есть неудачныя. Наприм, характеристику преп. Даніила, какъ духов-

ника, авторъ ставитъ въ параллель съ описаніемъ съ той же стороны преп. Пафнутія Боровскаго въ житіи его, написанномъ Вассіаномъ, и, опуская кое-что изъ послѣдняго текста, даетъ какъ будто сходныя описанія въ обоихъ житіяхъ (218—219). А между тѣмъ Даниилъ и Пафнутій были совершенно разные духовники, судя именно по этимъ описаніямъ: первый обычно дѣйствовалъ кротостью и лаской на смущенную совѣсть грѣшника, второй строгостью на слабую или непокорную волю, такъ что у кн. Юрія Васильевича подгибались колѣна, когда онъ шелъ къ препод. Пафнутію на духъ. Встрѣчаются по мѣстамъ недостаточно обоснованные выводы (напр. стр. 200, кон. 72 прим.).

Впрочемъ въ общемъ кандидатская работа студ. В. Преображенскаго очень хорошая“.

б) Ординарнаго профессора *А. П. Голубцова*:

„Сочиненіе состоитъ изъ трехъ очерковъ. Въ первомъ, озаглавленномъ: „Митрополитъ Аѳанасій“, говорится о мѣстѣ и времени рожденія его, отношеніи его къ преподобному Даниилу Переяславскому, пожалованіи въ царскіе духовники и дѣятельности Благовѣщенскаго протопопа Андрея въ этой должности, постриженіи его въ монашество и избраніи въ митрополиты, сильномъ участіи его въ событіяхъ своего времени, удаленіи на покой въ Чудовъ, келейныхъ занятіяхъ, смерти и погребеніи его здѣсь. „Литературная дѣятельность Андрея—Аѳанасія“, частію детальное разсмотрѣніе принадлежности послѣднему житія (въ первоначальной и краткой редакціяхъ) упомянутаго подвижника и нѣкоторыхъ отдѣловъ Степенной книги съ подробною характеристикой его, какъ агіобіографа, дорожившаго достовѣрностію сообщаемыхъ фактовъ, и какъ человѣка извѣстныхъ нравственно-религіозныхъ убѣжденій,—служитъ предметомъ второго очерка. Въ третьемъ рассказывается о происхожденіи митр. Филиппа II, юношескихъ годахъ и поступленіи на службу царскую, уходѣ тайкомъ на Соловки, ноческихъ подвиговъ его тамъ и возведеніи въ игумена, о трудахъ послѣдняго по благоустройству монастыря и отчасти улучшенію быта его крестьянъ. На московскомъ періодѣ жизни св. Филиппа прерывается сочиненіе г. Преображенскаго. Изъ пяти послѣ—Макарьевскихъ митрополитовъ времени Гроз-

наго онъ успѣлъ, такимъ образомъ, разсмотрѣть сполна только дѣятельность одного Аванасія и на половину свята-теля Филиппа, но разсмотрѣть съ совершенною добросовѣстностью и рѣдкимъ трудолюбіемъ. Нашему автору хорошо извѣстна по занимавшимъ его вопросамъ не только печатная, но и рукописная литература. Почти каждую мысль онъ старается подтвердить длиннымъ рядомъ справокъ, добытыхъ кропотливымъ изученіемъ. Даже положенія второстепенныя и съ его прямымъ предметомъ лишь соприкосновенныя, и тѣ обстоятельно имъ обоснованы. Въ его сочиненіи значительно больше примѣчаній, чѣмъ текста, и нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ довольно обширные экскурсы въ рѣшеніи того или другого вопроса. Помѣщенные въ концѣ сочиненія приложенія, въ которыхъ г. Преображенскій пытается опредѣлить степень литературной зависимости авторовъ житій пр. Данила Переяславскаго и святаго Филиппа отъ предшественниковъ, свидѣтельствуютъ объ осѣдомленности его въ древне-русской агиографической письменности. Отдавая должное основательности автора, трудно все же бываетъ иногда согласиться съ нимъ. Такъ невѣрнымъ представляется намъ его утвержденіе, будто митрополитъ Макарій и царскій духовникъ Андрей совмѣстно и самолично поновляли чудотворный образъ свят. Николая Великорѣцкаго (стр. 39). Въ подробномъ Сказаніи о принесеніи этой иконы „отъ Вятки къ Москвѣ“ ясно сказано, что царь „предложи совѣтъ свой отцу своему преосвященному митрополиту Макарію, паче жъ и понуди его, дабы велѣлъ иконописцомъ во своихъ святительскихъ полатахъ построити и обновити образъ святаго Николы, и дабы самъ митрополитъ призиралъ і наказалъ иконописцовъ, понеже самъ митрополитъ иконописецъ бѣ (л. 286 об.). Митрополитъ же Макарій моливался и при себѣ повелѣ иконописцомъ построити і обновити святой образъ во своихъ полатахъ со всякимъ благоговѣніемъ... Христолюбивый же царь и преосвященный митрополитъ украсиша той образъ златомъ и серебромъ и драгимъ бисеромъ и каменіемъ многоцѣннымъ, такоже и кіотъ устроиша златомъ и серебромъ, и отпустиша его на Вятку, идѣже бѣ первѣе“. Неправдоподобнымъ кажется намъ также, чтобы царскій духовникъ вмѣстѣ съ прочими рѣшился отговаривать государя отъ богомольнаго похода въ

1553 году въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь (стр. 31, 35). Не можемъ одобрить его пристрастія къ буквальнымъ обширнымъ, не вызываемымъ существомъ дѣла выдержкамъ изъ памятниковъ и къ излишку самыхъ примѣчаній, въ которыхъ онѣ чаще всего приводятся; за его погрѣшности орфографическаго и стилистическаго свойства (стрр: 10—11, 20, 21, 107, 118, 120, 123, 124, 161, 179, 192, 194, 195, 209). Въ общемъ разсматриваемый трудъ весьма хорошій, и авторъ вполне заслуживаетъ степени кандидатской“.

30) О сочиненіи студента священника *Рождественскаго Алексія* на тему: „Сенека, какъ выразитель перелома въ языческомъ сознаніи въ эпоху пришествія Христа Спасителя“.

а) Ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*:

„Великое духовное возбужденіе, которое чувствовалось въ эпоху пришествія въ міръ Христа Спасителя всѣмъ язычествомъ, конечно, глубже переживали люди духовно наиболѣе одаренные, съ организаціею тонкою и воспримчивою. Они яснѣе, чѣмъ другіе, сознавали, что жить такъ, какъ человечество жило дотолѣ, дальше нельзя, и что, съ другой стороны, не можетъ человѣкъ собственными силами подняться надъ уровнемъ этой безобразной жизни, ставшей привычною и какъ бы узаконенною обычаемъ. Въ ряду такихъ мыслителей едва ли не самымъ виднымъ является на фонѣ исторіи своего времени философъ Сенека.—Характеризовать совершившійся въ немъ, въ только что указанномъ направленіе и смыслѣ, „переломъ“ и было задачею автора сочиненія. Для разрѣшенія ея онъ написалъ три, довольно обширныхъ, главы, изъ коихъ въ первой (стр. 14 — 86) даетъ характеристику эпохи, когда жилъ Сенека, въ связи съ краткою его біографіею; во второй (стр. 87 — 178) подвергаетъ анализу основы философскаго міросозерцанія Сенеки; въ третьей и послѣдней (стр. 179—237) выясняетъ самое понятіе „перелома“ и иллюстрируетъ его, въ примѣненіи къ Сенецкѣ, рядомъ детальныхъ указаній, отмѣчая, въ чемъ именно этотъ „переломъ“ выразился. Такимъ образомъ, авторъ разрѣшаетъ задачу, поставленную въ темѣ, съ субъективно-психологической стороны, при чемъ, за критерій для установки своихъ выводовъ онъ беретъ не факты изъ жизни

Сенеки, а степень постоянства и настойчивости въ стремленіи его къ поставленному идеалу. „Въ Сенеку“,—пишетъ онъ,— „мы имѣемъ дѣло съ личностью въ періодъ становленія и утвержденія въ познанномъ идеалѣ. Интенсивность этого становленія (!) и стремленія къ достиженію поставленнаго идеала и должна быть критеріемъ при измѣреніи высоты данной личности. Вотъ почему мы полагаемъ, что сужденія о Сенеку, имѣющія точкой отправленія факты изъ его жизни, какъ таковыя (!), не имѣютъ подъ собою твердой почвы“ (стр. 190). Это выражено нѣсколько вычурно, но вопросъ поставленъ, во всякомъ случаѣ, ясно и твердо. Что касается стороны объективно-провиденціальной или библейско-теистической, то въ общихъ чертахъ авторъ намѣчаетъ свою точку зрѣнія во введеніи къ сочиненію (стр. 1—13), гдѣ показываетъ, какъ и какими путями, согласно библейскому и церковно-отеческому ученію, Богъ-Промыслитель велъ язычество ко спасенію.—Авторъ отнесся къ своему дѣлу вполне добросовѣстно. Сочиненія Сенеки онъ изучилъ по подлиннику и довольно тщательно. При изложеніи его философіи, онъ дѣлаетъ дополнительныя справки въ курсахъ исторіи философіи (Целлера и др.) и историко-философскихъ монографіяхъ. Эпоху характеризуетъ, хотя и по вторымъ, но надежнымъ и обильнымъ источникамъ. Списокъ книгъ, протудированныхъ авторомъ,—на русскомъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ,—довольно внушительнъ (приложенъ въ началѣ сочиненія). Въ стилистическомъ отношеніи, за немногими исключеніями, сочиненіе довольно удовлетворительно.—Изъ недостатковъ рецензентъ долженъ указать на два. Во-первыхъ, сочиненіе носитъ характеръ, такъ сказать, *мозаикообразный*,—почти сплошь состоитъ изъ выдержекъ, скрѣпленныхъ цитатами. Это, конечно, сообщаетъ ему печать документальности, но, въ то же время, и характеръ какой-то прерывистости: сочиненіе, несомнѣнно, выиграло бы во впечатлѣніи на читателя, еслибы фрагменты и отрывки, введенныя въ него, были цементированы въ собственной переработкѣ автора, такъ чтобы получалось одно связное изложеніе. Во-вторыхъ, хотя авторъ и характеризуетъ эпоху, въ которую жилъ Сенека, однако не совсѣмъ подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, который опредѣляется задачей темы: мы видимъ въ этой характеристикѣ мерзость языческой жизни,

ея крайнюю развращенность и упадокъ, но не видимъ явленій аналогичныхъ „перелому“, совершившемуся въ Сенекѣ, что сдѣлать было бы, положимъ, труднѣе, но, въ смыслѣ уясненія вопроса, несравненно плодотворнѣе. Эти недостатки, однако, не препятствуютъ признать сочиненіе о. Алексія Рождественскаго *вполнѣ достаточнымъ* для полученія степени кандидата богословія“.

б) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Какъ и естественно было ожидать отъ автора, преимущественное вниманіе его при написаніи сочиненія сосредоточивается съ одной стороны на характеристикѣ той эпохи, когда жилъ Сенека, съ другой на характеристикѣ самого Сенеки со стороны его религіозно философскаго міровоззрѣнія. (См. 1 и 2 главы сочиненія). Сюда присоединяется еще психологическій анализъ жизни и ученія Сенеки съ цѣлю уяснить переломъ, происшедшій въ сознаніи язычества въ указанную эпоху. Если брать во вниманіе и говорить о сравнительномъ достоинствѣ частей сочиненія, то по нашему мнѣнію самое пріятное впечатлѣніе оставляетъ 1-я глава, въ которой дѣлается характеристика эпохи, въ которую жилъ Сенека. Авторъ достаточно использовалъ источники и пособія, по количеству довольно многочисленныя, хотя и нельзя сказать, чтобы кромѣ этихъ источниковъ и не было другихъ. Характеристика, во многихъ мѣстахъ пространными выдержками изъ разныхъ авторовъ, получилась дов. выпуклая и вполнѣ опредѣленно рисующая картину (мрачную) жизни язычества того времени въ проявленіяхъ общественной и частной жизни, со стороны религіозной, умственной и нравственной. Нѣсколько слабѣе работа автора въ слѣдующихъ главахъ его сочиненія. Быть можетъ въ зависимости отъ того, что у самого Сенеки нѣтъ такого сочиненія, гдѣ можно бы было находить болѣе или менѣе цѣльное или хотя приближающееся нѣсколько къ системѣ изложеніе его религіозно-философскихъ взглядовъ, и у автора въ нѣкоторыхъ пунктахъ изложенія философіи Сенеки не достаетъ ясности. Такъ не совсѣмъ ясно раскрывается ученіе Сенеки въ томъ пунктѣ, гдѣ вопросъ касается космологіи (стр. 99); равнымъ образомъ и въ вопросѣ о свободѣ и волѣ челоуѣка можно усматривать не только нѣкоторую неясность, но какъ будто

и противорѣчіе, если сравнить страницы сочиненія: 117, 120, 130, 138, 140.

Впрочемъ въ этомъ отдѣлѣ сочиненія (2 глава) цѣнно за то особенно выпуклое изображеніе и отгѣненіе тѣхъ мѣстъ въ ученіи Сенеки, которыя содержатъ въ себѣ мысли, сближающія ученіе Сенеки въ его, главнымъ образомъ, этической части съ мыслями чисто христіанскими. Напр. хотя бы эта мысль Сенеки „что сознаніе грѣха есть начало нравственнаго выздоровленія“ (162 стр.) или чисто христіанская мысль о томъ, что нравственное значеніе всякаго добраго дѣла опредѣляется тѣмъ настроеніемъ, съ какимъ оно дѣлается (173). Автору можно поставить въ большой плюсъ его работы именно это особенно тщательное выдѣленіе въ ученіи Сенеки тѣхъ элементовъ, кои особенно и характерны какъ показатель того перелома въ сознаніи язычества, который и служить темою сочиненія о Рождественскаго. Только странно намъ кажется тотъ основной пунктъ, или вѣрнѣе то исходное начало, которое авторъ беретъ для выясненія того перелома, который произошелъ въ сознаніи язычниковъ въ эпоху пришествія Христа и выразился м. пр. въ міровоззрѣніи Сенеки. Непонятно совершенно, или во всякомъ случаѣ неясно, почему противорѣчіе въ міровоззрѣніи Сенеки между теоретическими и практическими началами стоицизма служить именно показателемъ „перелома“ и какого именно перелома?

„Анализъ ученія Сенеки, говоритъ авторъ, показываетъ намъ, что пока Сенека разсуждаетъ *теоретически*, какъ представитель римскаго стоицизма, онъ излагаетъ суровое ученіе столповъ стоицизма: Зенона, Хризиппа; но когда онъ переходитъ отъ теоріи къ жизни, то, видя всю непригодность для этой цѣли отвлеченныхъ воззрѣній стоиковъ, онъ путемъ иногда прямыхъ противорѣчій дѣлаетъ выводы, приспособляясь къ потребностямъ жизни и тѣмъ обнаруживаетъ совершившійся въ его сознаніи *переломъ*“ (стр. 204).

Приведенная нами выдержка кратко выражаетъ ту основную точку зрѣнія, съ которой авторъ разсматриваетъ и анализируетъ жизнь и ученіе Сенеки для показанія „перелома“; это какъ бы директивъ для всей его работы во 2-й и 3-й главахъ. У автора вниманіе въ этихъ главахъ и сосредоточивается на указаніи тѣхъ пунктовъ противорѣчія съ основ-

ными началами стоицизма, которыя есть у Сенеки несомнѣнно въ его міровоззрѣніи по существу стоическомъ.

Авторъ на этомъ противорѣчїи въ стоическомъ міровоззрѣніи Сенеки и строитъ главное доказательство „перелома“. Почему же показателемъ перелома м. служить во 1-хъ самый фактъ противорѣчїя идеямъ стоицизма, во 2-хъ именно идеямъ стоицизма, а не к. либо другимъ? А между тѣмъ на этомъ особенно настаиваетъ авторъ, какъ это можно читать на 235 стр. его сочиненія. Намъ думается, что нужно бы указывать, какъ на главное, не на противорѣчїе Сенеки самому себѣ какъ стѣику, а его противорѣчїе моральнымъ и философскимъ идеямъ современнаго ему язычества, какъ оно сложилось въ своихъ чаяніяхъ и духовныхъ запросахъ къ тому времени.

Это было бы въ соотвѣтствїи съ тѣмъ, что авторъ сказалъ на страницахъ 2—3 и 10—11 своего сочиненія. Впрочемъ долженъ сказать, что въ этихъ двухъ главахъ сочиненія (2 и 3) авторомъ сдѣлано все, что нужно было для выполненія плана его сочиненія. Сенека изученъ основательно и тщательно, система его міровоззрѣнія построена весьма последовательно и анализъ сдѣлалъ тщательный. Сочиненіе читается легко и съ интересомъ, такъ что степени кандидата богословія авторъ вполне заслуживаетъ“.

31) О сочиненїи студента *Рождественскаго Леонида* на тему: „Антиномичность мышленія и религіозная вѣра“.

а) Ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*.

„Сочиненіе г. Рождественскаго Леонида характеризуется нѣкоторымъ разладомъ между замысломъ и его выполненіемъ. Авторъ, повидимому, достаточно думалъ надъ вопросомъ темы и выработалъ, по крайней мѣрѣ въ основныхъ моментахъ, достаточно опредѣленную схему сочиненія (въ немъ двѣ главы, намѣченныя уже въ самой темѣ). Но заботу о заполненїи и детальномъ раскрытїи этой схемы обнаружилъ развѣ лишь въ самомъ началѣ сочиненія. По мѣрѣ движенія къ его концу, на немъ все замѣтнѣе и замѣтнѣе становится печать спѣшности и какой то случайности въ аргументаціи. Авторъ беретъ, что попадаетъ ему подъ руку, чувствуя себя, повидимому, очень мало связаннымъ задачами

темы. Слѣшность написанія сочиненія отразилась и на формально стилистической его обработкѣ, довольно небрежной. Вообще авторъ трудился надъ сочиненіемъ очень мало. Въ заключительныхъ строкахъ, „вполнѣ сознавая недостатки“ своего труда, онъ считаетъ нужнымъ указать, въ извиненіе ихъ, на „недостатокъ времени“, такъ какъ де („необходимо принять во вниманіе“!), кромѣ кандидатскаго сочиненія,— онъ „долженъ (былъ) представить еще два семестра“. Но это, конечно, лишь словесная отговорка, а не уважительный мотивъ: какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, у товарищей было больше времени!—Что касается существа сочиненія, то, не отрицая у автора стремленія поставить вопросъ принципиально, должно, однако, замѣтить, что мысль его нерѣдко идетъ путемъ не совсѣмъ вѣрнымъ. Основной тезисъ первой главы (антиномичность мышленія) авторъ формулируетъ такъ: „человѣческій разумъ не можетъ не мыслить реальнымъ Абсолютное Существо и также не можетъ не отрицать Его реальность“ (стр. 112). Это, въ аргументаціи автора, не совсѣмъ ясно, а насколько ясно,—не вѣрно. Тезисъ и анти-тезисъ здѣсь не равноправны. Вся исторія человѣческой мысли служить доказательствомъ того, что *за* истину бытія Божія человѣческій разумъ всегда находилъ больше оснований, чисто теоретическаго порядка, чѣмъ *противъ* этой истины. Авторъ стоитъ подъ гипнозомъ Канта. Но въ послѣ-кантовской исторіи мысли онъ могъ бы найти серьезныя возраженія противъ скептическихъ тезисовъ великаго Кёнигсбергскаго діалектика. Во второй главѣ (о религіозной вѣрѣ) авторъ указываетъ, какъ на путь къ выходу изъ теоретической антиномичности, на религіозный опытъ, на „преодоленіе эгоизма“, на „подвигъ отказа отъ своего я, своей самости“ (стр. 183, стр. 173—184) и т. д. Въ общемъ это, конечно, вѣрно. Но, во первыхъ, понятіе религіознаго опыта у автора не установлено съ точностію и самый опытъ охарактеризованъ односторонне (по Джемсу). Во вторыхъ, повсюду проходящая чрезъ сочиненіе мысль, будто „религіозный опытъ есть единственный методъ (!) постиженія истины“ (стр. 177), также односторонняя: какъ всякій опытъ вообще, такъ и религіозный въ частности, безъ участія сознательной и разумно отчетливой мысли, хотя и возможенъ, но въ смыслѣ пути къ Боговѣдѣнію, недостаточенъ и иногда даже нена-

деженъ — Изъ сказаннаго видно, что, и по обработкѣ и по содержанію, сочиненіе г. Рождественскаго Леонида достоинства не весьма высокаго. Однако, въ виду несомнѣнной способности автора къ философскому углубленію, проявившейся и въ сочиненіи,—въ разсѣянныхъ тамъ и сямъ свѣтлыхъ мысляхъ и намекахъ, выраженныхъ иногда сильно и ярко,—все же не могу не признать рецензируемаго сочиненія для полученія степени кандидата богословія удовлетворительнымъ“.

б) Ординарнаго профессора С. С. Глаголева.

„Привлекательною стороною сочиненія г. Рождественскаго является живость мысли и обнаруживаемый имъ несомнѣнный интересъ къ обслѣдуемому предмету. Автора глубоко занимаетъ тема и соприкасающіеся съ нею вопросы, онъ обсуждаетъ ихъ горячо и съ увлеченіемъ и можетъ быть поэтому порою не слѣдить за грамотностью изложенія и правильностью рѣчи („задача“ его сочиненія у него „раскалывается“ на нѣсколько, вмѣсто *ни* онъ обычно пишетъ *не*).

Непріятное впечатлѣніе производитъ на читателя допускаемое авторомъ злоупотребленіе въ пользованіи мѣстоимѣніемъ перваго лица. Оно упоминается слишкомъ часто и не всегда законно. На 2-ой стр. онъ пишетъ, что въ слѣдъ за успѣхами естествознанія явилась система Лейбница и что въ XIX в. послѣ повидимому полнаго торжества позитивизма явилась система Гартмана. Онъ хочетъ сказать этимъ, что равнодушіе къ метафизическимъ вопросамъ можетъ быть только временнымъ, и далѣе пишетъ: „я привелъ первые пришедшіе на умъ факты“, но во 1) естественно-научныя изслѣдованія XVI—XVII вв. вовсе не отодвигали на задній планъ занятій метафизическими проблемами, во 2) „кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ“ не первый пришедшій автору на умъ фактъ, а теорія извлеченная имъ изъ диссертациі Вл. С. Соловьева. На 183 стр. нашъ авторъ пишетъ: „не могу закончить своей работы, не сдѣлавъ одного очень цѣннаго метафизическаго вывода изъ гносеологическихъ положеній, къ которымъ я пришелъ въ своей работѣ“. Этотъ „очень цѣнный выводъ“ сводится къ трюизму, что, замкнувшись въ себя, нельзя познать существующаго и что для того, чтобы познавать существующее, нужно любить его. На 185 стр. г. Рождественскій сообщаетъ объ обширномъ

двухтомномъ курсѣ религиозной философіи Пфлейдерера и пишетъ: „изъ него я могъ-бы привести много подтвержденій къ своимъ выводамъ и иллюстрацій для своихъ положеній“, но во 1) между воззрѣніями нашего автора и Пфлейдерера не замѣчается большого сходства, во 2) обширнаго *двухтомнаго* курса религиозной философіи Пфлейдерера не существуетъ.

Неразработанность вопросовъ, порою неясность изложенія, поспѣшность и смѣлость тезисовъ составляютъ темныя стороны работы г. Рождественскаго. Но въ его смѣлыхъ экскурсіяхъ въ области религиозно-философскихъ проблемъ его спасаетъ то, что онъ выбралъ себѣ надежныхъ руководителей. Слѣдуя за ними, онъ не заблудится. Онъ идетъ по тому (этически-религиозному) пути, который указываетъ философіи и наукѣ основу въ религиозной вѣрѣ. Это даетъ право надѣяться, что, двигаясь далѣе по этому пути, авторъ если и не совершитъ проектируемаго имъ для познанія истины подвига самоотреченія, то по крайней мѣрѣ пріобрѣтетъ цѣнныя познанія и нѣсколько смиренномудрія.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетворительно“.

32) О сочиненіи студента *Сажарова Николая* на тему: „Источники Устава Духовныхъ Консисторій 1841—1883 г.“.

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Сочиненіе состоитъ изъ предисловія, введенія и двухъ главъ.

Въ предисловіи (1—16) авторъ старается точно опредѣлить задачу своего изслѣдованія и вмѣстѣ съ тѣмъ свое отношеніе къ изучаемому кодексу церковнаго права. Совершенно правильно различая возможность двоякаго къ нему отношенія со стороны изслѣдователя—раскрытія историческаго процесса образованія кодекса или же опредѣленія значенія его для современной жизни, авторъ ставитъ своею задачею исключительно историческое его изученіе, совершенно отклоняя отъ себя вторую задачу.

Обращая затѣмъ вниманіе на содержаніе Устава Духовныхъ Консисторій, авторъ различаетъ здѣсь двоякаго рода

идейно-правовые элементы. „Извѣстно, что Уставъ Духовныхъ Консисторій имѣеть большое тяготѣніе къ области гражданскаго права: первый и четвертый его раздѣлы почти цѣликомъ составлены по типу закона о губернскихъ учрежденіяхъ (стр. 8). Не то должно сказать о раздѣлахъ второмъ и третьемъ, составляющихъ обширнѣйшую и важнѣйшую половину Устава. Здѣсь мы встрѣчаемъ весьма разнородные идейные элементы: „и закрѣпленіе общихъ канонико-символическихъ основъ церковнаго права, и нѣкоторую разработку матеріала, представляемаго собственно правилами и традиціями отечественной церкви. Тутъ сказалось вліяніе изстари сложившейся практики, и Кормчей книги, и Номоканаона, и Духовнаго Регламента. На составленіе Устава оказали свое вліяніе и *необъятное* (?) море отдѣльныхъ старыхъ и позднѣйшихъ распоряженій высшей власти по церковнымъ дѣламъ и наконецъ нигдѣ неписанные вѣковые обычаи, такъ или иначе вліявшіе на механизмъ епархіальной жизни“ (стр. 10—11).

Свою задачу авторъ предполагаетъ выполнить по такому плану:

Исслѣдованіе должно предвѣряться историческимъ очеркомъ цѣлаго консисторіальнаго строя, въ послѣднемъ моментѣ своего развитія закрѣпленнаго Уставомъ Духов. Консисторій. Далѣе долженъ слѣдовать подробный анализъ отдѣльныхъ статей I и IV-го раздѣловъ и во 2-ой половинѣ—раздѣловъ II и III го.

Выработанный авторомъ планъ *почти* вполне выполненъ въ самомъ сочиненіи. Въ т. н. введеніи представленъ историческій очеркъ епархіальнаго управленія въ Русской Церкви—указаны типы центральныхъ органовъ епархіальнаго управленія. Однако же авторомъ совершенно опущены устройство древне-русскаго прихода и административное значеніе монастырей. Далѣе съ замѣчательною точностію и усердіемъ сдѣлано сравненіе статей консисторскаго Устава съ соответственными статьями Положенія о губернскихъ учрежденіяхъ (въ раздѣлахъ I и IV) и дов. тщательное указаніе разнообразныхъ источниковъ для статей II и III отдѣловъ. Очень жаль, что далеко не съ такою тщательностію разработанъ отдѣлъ о епархіальномъ судѣ, составляющій конецъ сочиненія. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ оборвалъ свою дотолѣ тщательно веденную работу, чтобы поско-

рѣе ее окончить. Можетъ быть это произошло вслѣдствіе того, что авторъ допустилъ просчетъ въ предоставленномъ ему времени для составленія сочиненія.

Сочиненіе, при отмѣченной неполнотѣ, отличается логическою стройностью, обработанностью изложенія и дов. достаточною начитанностію въ источникахъ русскаго церковнаго права и литературныхъ пособіяхъ.

Признаю его вполне удовлетворительнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

б) Ординарнаго профессора *А. П. Голубцова*:

„Опредѣливъ въ предисловіи къ сочиненію свою задачу въ смыслѣ уясненія историческаго процесса образованія подлежащаго его изученію юридическаго памятника, авторъ даетъ во вступительномъ очеркѣ общій обзоръ древне-русскаго епархіальнаго управленія, въ частности и преимущественно первоначальнаго устройства консисторій, до появленія ихъ Устава. Постатейное сличеніе перваго и четвертаго раздѣловъ послѣдняго, на которыхъ особенно замѣтно отразилось вліяніе гражданскаго законодательства, со „Сводомъ Учрежденій губернскихъ“, какъ непосредственнымъ источникомъ, составляетъ содержаніе первой главы сочиненія и его лучшую, основательно написанную часть (стрр. 81—172). Указать прямыя источники для втораго и третьяго раздѣловъ, трактующихъ епархіальное управленіе и судъ и наиболѣе интересныхъ для богослова, было несравненно труднѣе. Но и здѣсь авторъ не безъ успѣха сопоставляетъ тѣ или другія статьи особенно отдѣла объ управленіи съ болѣе или менѣе соответствующими имъ по содержанію пунктами Духовнаго Регламента, разновременными и многочисленными указами Св. Синода, практикой предшествующаго времени и т. д. Правда, не стѣсняясь иногда хронологіей, г. Сахаровъ видитъ въ томъ или другомъ сходномъ, но позднѣйшемъ правительственномъ распоряженіи не просто аналогію, а источникъ для разбираемой статьи своего Устава духовныхъ Консисторій, но это случается у него не часто, и ему нельзя во всякомъ разѣ отказать въ довольно хорошей освѣдомленности въ церковномъ законодательствѣ Синодальнаго періода. Скуднѣе его свѣдѣнія по части епархіальнаго управленія за время патріарховъ на Руси. Такъ, напримѣръ, если

бы онъ знакомъ былъ хотя съ храмозданными грамотами послѣднихъ, то не сталъ бы писать про отсутствіе въ старое время „какой-либо регламентаціи“ касательно постройки церквей и говорить о томъ, будто послѣдняя „являлась дѣломъ личной инициативы храмостроителей“. Есть въ сочиненіи глухія ссылки на Кормчую книгу, Требникъ м. Петра Могилы, Учительное Извѣстіе при Служебникѣ; не мало безъ всякой надобности буквально приведенныхъ обширныхъ выдержекъ изъ документовъ. Сочиненіе составлено съ знаніемъ относящейся къ вопросу литературы, изложено тщательно и вполне достаточно для присужденія автору степени кандидата богословія“.

33) () сочиненіи студента *Синадскаго Евгенія* на тему: „Мистико-монистическая система философіи Карла дю Преля и мистика христіанскихъ подвижниковъ“.

а) исправляющаго должность доцента *П. А. Флренскаго*:

„Много крупныхъ достоинствъ и не мало мелкихъ недочетовъ можно указывать въ сочиненіи о. Синадскаго; само собою понятно, что, какъ и всякая работа, написанная искренно и богатая мыслями, оно открываетъ пропорціонально-большую поверхность критическому обстрѣлу. Но есть одно качество, дѣлающее работу о. Синадскаго явленіемъ выдающимся и, при томъ, не только въ качествѣ *студенческаго* сочиненія, но и безотносительно. Это качество,—конститутивный признакъ разбираемаго сочиненія—, рецензентъ не умѣетъ назвать иначе, какъ нескладнымъ оборотомъ: „духъ церковной научности“. Конечно, у насъ не мало выпускается въ свѣтъ значительныхъ произведеній духовно-назидательнаго характера; но они обыкновенно стоятъ *вне* области науки. Съ другой стороны, издаются и научныя книги, писанныя людьми церковными или предполагающимися такими; но что же въ книгахъ этихъ церковнаго? Научныя же сочиненія, гдѣ бы авторъ сознательно выполнялъ церковное послушаніе, гдѣ бы наука служила *non scholae, sed vitae*,—церковной жизни—, чрезвычайно рѣдки. Понять настоящую церковную потребность и работать надъ этой, *жизнью* поставленной, задачей, въ цѣляхъ удовлетворить нуждамъ Церкви научными изысканіями,—вотъ достойная задача вся-

каго члена Церкви, не чуждаго научной дѣятельности; вотъ задача, достойная ученаго пастыря. Работу о. Синадскаго, въ ея цѣломъ, характеризуетъ ясное сознаніе именно этого пастырскаго долга.

Его работа начинается указаніемъ той опасности, которая грозитъ Церкви со стороны современныхъ оккультическихъ движеній; кончается же эта работа повтореніемъ той же мысли, но уже не столько въ общей формѣ, сколько въ примѣненіи къ нѣкоторымъ случаямъ личной практики о. Синадскаго. Памятованіемъ пастырскаго долга кругъ мысли начинается, и имъ же онъ смыкается; вся работа опредѣляется именно имъ, а не инымъ чѣмъ-либо. О. Синадскій изучаетъ оккультизмъ не потому, что,—какъ говорится—, „нужно же что-нибудь изучать“, а потому, что существенно нужно именно *это* изученіе.

Рядъ случаевъ въ пастырской его дѣятельности и личной столкновенія обнаружили о. Синадскому ядовитую природу оккультизма, какъ въ практикѣ его, такъ и въ теоріи,—его разлагающее и тлетворное вліяніе на *личность*, со стороны религіозной и моральной, и даже со стороны физической. И, притомъ, это вліяніе въ обществѣ тѣмъ вредоноснѣе, что *одни* не хотятъ его признавать, огульно отрицая самое существованіе оккультной сферы взаимодействій и отдѣляясь общимъ брюжжаніемъ: „Вздорь!“, „Пустяки!“ и т. п., а *другіе* суевѣрно почитаютъ ихъ за проявленіе высшихъ, благодатныхъ, или подобныхъ благодатнымъ, силъ, за какую-то дешево-покупаемую святость.

Оккультныя явленія легкомысленно и невѣжественно почитаются за мнимость одними; другими же они считаются легковѣрно и некритически за явленія духовныя. Но противъ тѣхъ и другихъ должно считать вновь твердо установленнымъ то древнее положеніе, что возможна и бываеетъ имитация чудотворенія, что личина святости идетъ иногда включительно до прозорливости, цѣленія болѣзней и т. д. А если это—такъ, то понятно, что для пастыря установить *критерій* различенія святости истинной отъ святости поддѣльной, мистики благодатной отъ мистики естественной, незамѣтно простирающейся въ мистику бѣсовскую, есть дѣло первой важности.

Съ другой стороны, не меньшую важность представляетъ

для пастыря и изслѣдованіе оккультическихъ теорій. По природѣ своей болѣе или менѣе открыто атеистическія и антихристіанскія, онѣ несутъ въ себѣ опасность тѣмъ болѣе, что нерѣдко заигрываютъ съ христіанствомъ и даже—съ церковностью. Дю Прель называетъ свою „мистику“ „невѣдомымъ естествознаніемъ“. Смыслъ этого афоризма—тотъ, что оккультическое міровоззрѣніе не только не противорѣчитъ, а, напротивъ, продолжаетъ ту линію, которую ведетъ міровоззрѣніе позитивистическое и матеріалистическое. Разница же на дѣлѣ—та, что предъ лицомъ Бога и смерти позитивизмъ и матеріализмъ чувствуютъ свое безсиліе, невольно умолкая, а оккультизмъ горделиво и нагло ломится въ закрытую для него дверь. Это кощунственное экспериментированіе съ тайнами смерти и безбожное стараніе создать суррогатъ Бога (Богъ—„равнодѣйствующая воля трансцендентальныхъ субъектовъ“ и т. п.) дѣлаютъ оккультизмъ прямымъ порожденіемъ антихристіанства.

Но было бы ошибочно думать, что воодушевленность о. Синадскаго церковными задачами и сквозящая всюду его увѣренность въ истинности и спасительности Церкви Христовой мѣшаютъ объективности изслѣдованія. Тонъ изложенія—справедливый, безъ нетерпимости и выходокъ; когда же дѣло касается критики и оцѣнки, то онѣ дѣлаются съ безпристрастіемъ, но твердо.

Отъ этого, такъ сказать, подпольнаго этажа сочиненія обратимся къ самому его строенію. Довольно значительное по объему (532 стр.), оно распадается на *семь* главъ, предваряемыхъ небольшимъ (14 стр.) „Вступленіемъ“. Въ этомъ послѣднемъ выясняется назрѣвшая въ церковной жизни потребность изучить оккультныя явленія и оккультическія идеи; затѣмъ, указывается значеніе дю Преля въ исторіи оккультизма, какъ наиболѣе полнаго выразителя этихъ идей, устанавливается, далѣе, методъ работы и планъ ея. *Глава первая*, „біографическая, касается жизни и научной дѣятельности“ дю Преля. *Глава вторая*, „библіографическая, знакомитъ насъ съ сочиненіями“ его. *Глава третья*, „историческая, знакомитъ насъ съ ходомъ философской мысли дю Преля въ ея историческомъ развитіи и(,) вмѣстѣ съ тѣмъ(,) съ самимъ оккультизмомъ и тѣми проблемами, которыя имъ ставятся“. *Глава четвертая* „представляетъ ученіе дю Преля

по предметамъ его философской мысли“, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, подводитъ итогъ „его взглядамъ на мистику оккультизма“. Глава пятая содержитъ „вступленіе въ критику его системы съ имманентной точки зрѣнія“. Глава шестая содержитъ опредѣленіе христіанской мистики и сопоставленіе оккультической и христіанской мистики. Глава седьмая „представляетъ заключеніе, какъ тотъ выводъ о вредѣ оккультизма“, къ которому пришелъ авторъ.

Этотъ планъ, навѣянный,—кстати сказать,—изученіемъ „Исторіи новой философіи“ Куно Фишера, зрѣло продуманъ и весьма удаченъ. Разсмотрѣніе біографіи дю Преля даетъ о Синадскому возможность понять ходъ его литературной дѣятельности; этотъ послѣдній опредѣляетъ собою пониманіе генезиса его идей; отсюда дѣлается яснымъ, что въ словахъ дю Преля есть только послѣдъ отъ связи его съ идейными родителями, и что—собственные органы. Вслѣдствіе этого систематическое изложеніе получаетъ высокую степень объективности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ опознать, каковъ тотъ математическій предѣлъ, къ которому стремилось все развитіе. Изученіе этого предѣла и образуетъ имманентную критику системы, ибо въ этомъ предѣлѣ, какъ и всегда, „историческіе“ и „случайные“ недостатки системы стираются, а коренные, конститутивные—выступаютъ во всей своей выпуклости. Когда недостатки выявились, тогда естественно высказаться о системѣ по *существу*, т. е. указать, почему произошли эти недостатки, и какія стороны дѣйствительности, не принятыя во вниманіе ея творцомъ, существенно мѣняютъ для критика системы воззрѣніе на дѣйствительность. Иными словами, необходимымъ завершеніемъ критики имманентной, т. е. критики съ точки зрѣнія принциповъ самой системы, будетъ критика ея съ точки зрѣнія принциповъ *не* принятыхъ во вниманіе, *не* вошедшихъ въ составъ системы,—уясненія ложности самаго *фундамента* системы.

Но отсюда сейчасъ же возникаетъ новая проблема, занимающая собою послѣднюю главу работы о Синадскаго. А именно: разъ міровоззрѣніе связано съ жизнью, то *ложное* міровоззрѣніе есть *вредное* міровоззрѣніе. Раскрыть вредность оккультизма будетъ, слѣдовательно, вершиною всего изслѣдованія.

Такимъ образомъ, изложеніе у о Синадскаго идетъ очень

стройно и послѣдовательно; большой размахъ мысли и обиліе матеріала не воспрепятствовали ему избѣгнуть почти неизбежныхъ повтореній и топтанія на мѣстѣ. Сочиненіе цѣлостно и органично, а вѣдь умѣлое расположеніе матеріала въ писательской technikѣ есть три четверти дѣла.

Что касается до самаго содержанія, то пишущему настоящей отзывъ, какъ слѣдившему за работою о. Синадскаго въ *ея ходѣ*, in statu nascendi, надлежитъ прежде всего заявить о тѣхъ *трудностяхъ*, которыя стояли предъ разбираемымъ авторомъ и которыя едва ли могутъ быть предположены стороннимъ читателемъ,—тѣмъ болѣе что авторъ, изъ скромности, ихъ почти замалчиваетъ.

Дю Прель, какъ извѣстно, выступилъ со своими работами во время террора матеріализма и позитивизма. Но, слишкомъ опасный противникъ, явившійся во всеоружіи научныхъ средствъ и отчетливаго мышленія, онъ всегда видѣлъ лишь спины критиковъ. Поклонники „научнаго“ міровоззрѣнія, не рѣшаясь схватиться съ нимъ въ открытую, трусливо замалчивали его взгляды,—пріемъ обыкновенный въ ихъ средѣ. Съ другой стороны, и дю Прель замкнулся въ узкомъ кружкѣ близкихъ по воззрѣніямъ лицъ и ушелъ въ своего рода философскій затворъ. Результатомъ этого двойнаго молчанія вышло то, что о дю Прелѣ почти ничего не извѣстно; даже обширные справочники говорятъ о немъ лишь нѣсколько словъ, а то—и вовсе обходятъ. О дю Прелѣ нѣтъ ни одной работы. Біографія его—загадка, и даже *заглавія* его мелкихъ сочиненій приходится разыскивать не безъ труда. Нужно добавить сюда еще то обстоятельство, что первое изданіе „Geschichte des Occultismus“ Кизеветтера,—книги, гдѣ можно найти свѣдѣнія о дю Прелѣ—, составляетъ библиографическую рѣдкость, а первый томъ новаго изданія вышелъ только въ концѣ 1909-го года.

Чтобы узнать, просматривая книго-издательскіе каталоги за старые годы, самыя заглавія сочиненій дю Преля, чтобы затѣмъ раздобыть ихъ, выписывая отъ антикваровъ на собственный счетъ, чтобы проштудировать эти сочиненія, не имѣя въ рукахъ никакой руководящей монографіи — для всего этого о. Синадскому пришлось затратить достаточно усилій. Еще труднѣе обстояло дѣло съ біографіей дю Преля. За недостаткомъ прямыхъ литературныхъ источниковъ нужно

было обратиться къ частнымъ лицамъ, знавшимъ дю Преля, списываться съ ними, устраивать личныя свиданія, развѣзжать, или же выискивать случайныя біографическія данныя въ сочиненіяхъ самого дю Преля. Всякій изслѣдователь пойметъ при этомъ, что поиски походили на покупку лотерейныхъ билетовъ: хорошо, если на десять поѣздокъ одна давала какой-нибудь выигрышъ.

Наконецъ, о. Синадскому нужно было уяснить себѣ, какъ отражаются оккультическія идеи въ жизни. Это опять потребовало личныхъ наблюденій надъ дѣятельностью современнаго оккультизма.

Однимъ словомъ, что бы мы ни думали о *результатахъ* трудовъ о. Синадскаго, нужно теперь же признать, что по замыслу, по плану и по методамъ изслѣдованія работа о. Синадскаго—не компиляція изъ книгъ, а попытка настоящаго научнаго изслѣдованія.

Но само собою понятно, что выполнить такую обширную по объему и такую значительную по содержанію работу *безукоризненно*—не оказалось возможнымъ, тѣмъ болѣе, что часть времени ушла на писаніе двухъ семестровыхъ сочиненій. Работа о. Синадскаго имѣетъ прочный и солидный фундаментъ, стѣны ея выведены, но онѣ—еще въ лѣсахъ. Незаконченность въ отдѣлкѣ сказывается, хотя и не существенно, однако весьма часто. Самый *слогъ* выдаетъ спѣшность работы: это—рѣчь нервная и неровная, порою, какъ бы, запыхавшаяся; слова соскакиваютъ со своихъ мѣстъ,—какъ будто, о. Синадскій, торопясь высказаться, перебиваетъ самого себя и вставляетъ во фразу слова изъ послѣдующей. При чтеніи такъ и чувствуется напряженные нервы и „экзаменаціонная горячка“. Мелкіе дефекты (впрочемъ, легко устранимые) портятъ ровную поверхность этого сочиненія и, если бы не они, то рецензентъ не задумываясь предложилъ бы автору печатать свое сочиненіе, какъ диссертацию на степень магистра.

Спѣшность работы затронула и *содержаніе* сочиненія. Правда о. Синадскій изучилъ порядочно авторовъ по части оккультизма, не говоря ужъ о плодовитомъ дю Прелѣ. Но слѣдовало бы ему, во-первыхъ, пополнить свои знанія изученіемъ оккультистовъ новѣйшихъ, особенно экспериментаторовъ, а, во-вторыхъ, еще разъ обследовать нѣкоторыя сочи-

ненія дю Преля: о. Синадскій не вездѣ начисто выжинаетъ свою ниву.

Отмѣтимъ теперь нѣкоторые частные дефекты работы. Сюда относится прежде всего невыработанность языка, выражающаяся въ неотчетливомъ пользованіи суффиксами (стр. 101, 141, 179, 208, 403, 414, 463, 495 и др.), въ неточности терминологіи (стр. 175, 176, 202, 220, 258, 290, 403, 467 и др.), въ оборотахъ плеонастическихъ (стр. 204, 205 и др.), въ неясностяхъ (стр. 116, 260, 382, 425, 465), въ варваризмахъ (стр. 104, 135, 285, 136, 138, 176, 185, 253, 208, 375 и др.), въ непереведенныхъ по русски словахъ и заглавіяхъ сочиненій (стр. 120, 122, 128, 135, 143, 150, 154, 164, 175, 218; 173, 174, 190 и др.), въ неточности перевода нѣкоторыхъ словъ (стр. 155, 157, 180, 192 bis, 194, 203, 195, 256 и др.), въ нескладности иныхъ оборотовъ (стр. 155, 207, 217, 241, 389, 462, 285 и др.) и, наконецъ, въ неосмотрительности и чрезмѣрной авторитетности нѣкоторыхъ эпитетовъ (стр. 466, 467, 468, 470, 471 и др.)

Можно указать недочеты и въ *содержаніи* сочиненія о. Синадскаго. Прежде всего, біографическая часть могла бы быть развита и дополнена даже на основаніи матеріаловъ, имѣвшихся въ рукахъ у автора и имѣ почему-то вовсе опущенныхъ, или же попавшихъ въ видѣ отдѣльныхъ замѣчаній въ инныя главы сочиненія. Главный недочетъ—это недостаточность использованія романа „Kreuz am Ferne“, раскрывающаго намъ внутренній міръ дю Преля, исторію его исканій и личныя пружины его интересовъ. Не все использовано и изъ Кизветтера, хотя это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что названная книга была получена о. Синадскимъ слишкомъ поздно.

Въ главѣ бібліографической главнѣйшими недостатками являются: невниманіе къ „Die Mystik der alten Griechen“ (—произведенію, въ которомъ мастерство изложенія достигаетъ зрѣлости—), слишкомъ растянутое и путанное изложеніе астрономическихъ сочиненій дю Преля (это объясняется, конечно, недостаточнымъ знакомствомъ о. Синадскаго съ математическими науками), отсутствіе опредѣленныхъ и законченныхъ формулъ въ „Psychologie der Lyrik“: при переработкѣ сочиненія слѣдовало бы также обратить большее вниманіе на послѣднія сочиненія дю Преля,—по магіи. Затѣмъ недостаточно охарактеризованъ дю Прель, какъ писатель; а, между тѣмъ, рассмотрѣніе вопроса о томъ, какъ выработы-

вался его стиль и его писательская манера, могло бы дать цѣнные результаты для пониманія *духа* его философіи. Изучая генезисъ дю Прелевскихъ идей о. Синадскій усиленно напираетъ на вліяніе Канта, Лейбница и Гартмана. Но если вліяніе перваго безспорно, то о прямомъ вліяніи втораго можно еще спорить, тѣмъ болѣе, что тѣ, дѣйствительно-лейбницевскія идеи, на которыхъ останавливается о. Синадскій, стали столь обще-извѣстными, что дю Прель могъ позаимствовать ихъ и отъ Гелленбаха, и отъ Гартмана, и отъ Шеллинга и отъ др. Но, за то, несомнѣнное вліяніе Шеллинга и отчасти, Фихте, толчокъ, данный дю Прелю Гелленбахомъ, безспорное вліяніе нѣмецкой мистики и романтики, наконецъ, вліяніе Спинозы, или непосредственное, или—черезъ Шеллинга,—все это осталось неосвѣщеннымъ. Особенно важно было бы выяснить вліяніе Шеллинга, сказывающееся порою въ дословномъ совпаденіи дю Преля съ этимъ мыслителемъ. Прочихъ недостатковъ, болѣе мелочнаго характера, упоминать не будемъ, тѣмъ болѣе, что они отмѣчены на поляхъ разбираемаго сочиненія.

При систематизаціи взглядовъ дю Преля (названной у о. Синадскаго неточно „систематикой“) и критикъ его системы, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ удачныхъ наблюденій и тонкихъ замѣчаній; и, хотя рецензентъ позволяетъ себѣ не со всѣми ими быть вполне солидарнымъ, но входить въ эти частности потребовало бы цѣлой статьи.

Но если эти,—разсмотрѣнныя—, главы, въ общемъ, вполне удачны, то двѣ послѣднія, несомнѣнно, требуютъ развитія и болѣшей тщательности въ обработкѣ; особенно послѣдняя глава представляетъ собою лишь нѣсколько эскизныхъ замѣчаній и должна быть написана заново.

Изъ сказаннаго разбора,—быть можетъ черезчуръ придиричиваго—, явствуетъ, что о. Синадскій вполне заслуживаетъ степени кандидата. Рецензентъ считаетъ своимъ долгомъ обратить на его работу особое вниманіе Совѣта“.

б) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Сочиненіе о. Синадскаго представляетъ собою обширную и обстоятельную монографію философіи дю Преля. Не желая отдѣлять философа отъ философіи, авторъ озаботился составленіемъ его біографіи, что однако оказалось дѣломъ

труднымъ и неблагодарнымъ. Свѣдѣнія о жизни дю Преля приходилось пріобрѣтать съ трудомъ и для пониманія дю Преля эти свѣдѣнія даютъ не особенно много. Озаботившись тѣмъ, чтобы узнать личность дю Преля, о. Синадскій постарался *по возможности* ознакомиться со всѣми его многочисленными сочиненіями. Изученіе ихъ въ хронологической послѣдовательности и въ связи съ біографическими данными о дю Прелѣ дали ему нѣкоторую возможность представить генезисъ и эволюцію идей философа.

Однако какъ ни разносторонне и глубоко изслѣдовалъ о. Синадскій ученіе избраннаго имъ философа, оказывается, что содержаніе его системы можетъ быть заключено въ очень немногіе тезисы. Наша личность, по дю Прелю, гораздо уже и ограниченнѣе нашей души или, что то же, нашего субъекта. Нашъ субъектъ существовалъ до нашего рожденія въ трансцендентальномъ мірѣ, онъ самъ избралъ себѣ родителей, онъ есть сила мыслящая и формирующая, онъ въ сущности образуетъ тѣло, и задача личности развивающейся въ этомъ тѣлѣ состоитъ въ томъ, чтобы собственность субъекта сдѣлать своею собственностію, т. е. говоря попросту, чтобы знать все содержаніе и всѣ силы своего духа и умѣть пользоваться и управлять ими. Есть много тайныхъ силъ души. Мистика дю Преля и направляется на ихъ изученіе. Сны, оккультизмъ, спиритизмъ, своеобразную магію утилизируетъ дю Прель для познанія трансцендентальнаго міра. Такимъ образомъ свою теорію онъ построитъ эмпирическимъ методомъ. Видя въ пространствѣ и времени согласно Канту субъективныя формы, дю Прель задачу личности полагаетъ въ томъ, чтобы преодолѣть эти формы. Пространство и время раздѣляютъ духовно-разумныя существа. Устраненіе ихъ является условіемъ для объединенія душъ, условіемъ для того, чтобы субъектъ буквально сталъ вселенскимъ гражданиномъ. Своимъ эмпирическимъ методомъ дю Прель не нашель Бога и Бога нѣтъ въ его системѣ. Онъ истолковываетъ все бытіе изъ своей теоріи человѣческой души.

О. Синадскій изложенію философіи дю Преля посвятилъ 456 стр. своего сочиненія, критическимъ замѣчаніямъ онъ отвелъ 44 стр., а мистикъ христіанскихъ подвижниковъ въ связи съ сообщеніями совсѣмъ и не о подвижникахъ и съ

своимъ заключеніемъ онъ отвелъ лишь 32 стр. (все сочиненіе заключаетъ 532 стр.). Но основные тезисы, выставленные имъ въ критическихъ замѣчаніяхъ и въ главѣ о христіанской мистикѣ, цѣнны, хотя и очень нуждаются въ дальнѣйшемъ обоснованіи. Что касается до критическихъ замѣчаній о Синадскаго по вопросамъ, связь которыхъ съ религіею и моралью не очевидна, то можетъ быть было бы лучше, если бы они отсутствовали. Такъ выдвигаемый имъ противъ дю Преля тезисъ, что „силы безъ матеріальной протяженности обращаются въ одни фикціи“ (стр. 491) не принадлежитъ къ числу легко доказуемыхъ, и не безуспѣшно нѣкоторые мыслители пытались представлять матеріальную протяженность, какъ функцію силъ.

Было бы весьма желательна, чтобы о. Синадскій продолжилъ свои занятія философіею дю Преля и издалъ въ печати результаты своихъ работъ. При этомъ по отношенію къ внѣшней сторонѣ его сочиненія было бы желательна, чтобы онъ меньше повторялся въ своемъ изложеніи. Онъ упрекаетъ въ этомъ недостатокъ дю Преля и раздѣляетъ его съ нимъ. По отношенію къ содержанію было бы желательна, чтобы о. Синадскій ввелъ въ свое изслѣдованіе сравнительный методъ. Философія дю Преля имѣетъ много пунктовъ соприкосновенія съ индійской системой санкія. Ученіе дю Преля о душѣ близко къ ученію египетской психологін о кгу, ка, нифу, кгаты. Соприкасается это ученіе дю Преля и съ персидскимъ ученіемъ о ферверахъ или фравашахъ. Рецензентъ думаетъ, что въ данномъ случаѣ сравнительное изученіе могло бы послужить базой для цѣнныхъ апологетическихъ выводовъ.

Но о. Синадскій сдѣлалъ уже много. И если принять во вниманіе количество времени бывшее въ его распоряженіи, окажется, что онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ обыкновенно дѣлается.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетвориательно.“

34) О сочиненіи студента *Смирнова Петра* на тему: „Служебникъ 1655 г. Его источники, исторія sprawy и отношеніе къ послѣдующимъ изданіямъ той же богослужебной книги“.

а) Экстраординарнаго профессора *И. М. Громоглисова*:

„Во введеніи (стр. 1—13) къ этой работѣ, ссылаясь на ея краткосрочность, авторъ предупреждаетъ, что „нисколько не претендуетъ на точное и полное обслѣдованіе вопроса объ источникахъ Служебника 1655 г.“, равно какъ и на подробный разборъ отношенія названнаго изданія къ послѣдующимъ. Нѣсколько сузивъ и специализировавъ задачу принятаго изслѣдованія, онъ дѣлитъ его на три главы, изъ которыхъ въ первой (стр. 13—52) даетъ изложеніе свѣдѣній объ исправленіи вышеуказаннаго Служебника, сообщаемыхъ предисловіемъ къ этой книгѣ и двумя современниками (расколоучителемъ дьякономъ Ѳеодоромъ и С. Медвѣдевымъ): во второй (стр. 53—138) дѣлаетъ попытку, критически разобравшись въ поименованныхъ сообщеніяхъ и восполнивъ ихъ другими историческими свидѣтельствами, выяснить общій ходъ и приемы никоновской книжной справы, нашедшіе себѣ примѣненіе и при исправленіи Служебника, изданнаго въ 1655 г.; въ главѣ третьей (стр. 138—182) производитъ сличеніе этого служебника съ греческимъ евхологіемъ Московской Синодальной Типографіи, признаваемымъ нѣкоторыми учеными за оригиналъ названнаго изданія, а также съ Стрятинскимъ служебникомъ 1604 г., который, по мнѣнію нашего автора, гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ греческій евхологіи, „имѣлъ отношеніе“ къ исправленію Служебника 1655 г., хотя „не можетъ быть названъ его прототипомъ“. Для подтвержденія этой своей мысли г. Смирновъ въ приложеніяхъ къ сочиненію сопоставляетъ нѣсколько выдержекъ изъ Служебника 1655 г. съ соотвѣтствующими мѣстами греческаго евхологія и Стрятинскаго служебника.

Таково содержаніе разсматриваемаго произведенія. Изъ сказаннаго видно, что авторъ не успѣлъ разработать своей темы въ полномъ ея объемѣ, составивъ совсѣмъ безъ обслѣдованія вопросъ объ отношеніи Служебника 1655 г. къ послѣдующимъ изданіямъ той же богослужебной книги. Нельзя не признать и того, что наиболѣе сосредоточивавшій на себѣ вниманіе автора вопросъ объ источникахъ названнаго Служебника поставленъ не достаточно широко и еще очень далеко отъ своего научнаго рѣшенія. Тѣмъ не менѣе за г. Смирновымъ остается несомнѣнная заслуга первой по-

пытки критически провѣрить очень легко и прочно вошедшую въ ученый оборотъ догадку объ исправленіи изданнаго въ 1655 году Служебника по вышеуказанному греческому евхологію. Такая провѣрка потребовала отъ него много времени и много кропотливой работы, цѣня которую, можно не ставить автору въ большую вину указанную неполноту изслѣдованія и нѣкоторые другіе, болѣе мелкіе дефекты. Признаю г. Смирнова достойнымъ кандидатской степени“.

б) *Ординарнаго профессора А. П. Голубцова:*

„Разсказавъ словами дьякона Федора, Сильвестра Медвѣдева и главнымъ образомъ предисловія къ Служебнику 1655 года исторію исправленія послѣдняго, авторъ задается вопросомъ: какъ въ дѣйствительности имѣла себя эта исторія, чѣмъ вызванъ былъ соборъ 1654 года, по какимъ именно книгамъ правилась названная богослужебная книга? Сомнѣваясь въ справедливости показаній, содержащихся на этотъ счетъ въ упомянутомъ предисловіи, г. Смирновъ вслѣдъ за другими склоняется къ той мысли, что источники, по которымъ производилась справа, слѣдуетъ искать среди новопечатныхъ греческихъ и южно-русскихъ изданій Служебника. Съ этою цѣлю въ третьей главѣ своего сочиненія и четырехъ приложеніяхъ къ нему онъ сличаетъ Служебникъ 1655 года съ хранящимися въ Типографской бібліотекѣ греческимъ Евхологіемъ 1602 года и Стратинскимъ Служебникомъ 1604 г. и приходитъ къ тому заключенію, что „хотя новоисправленный Никоновскій Служебникъ и стоитъ ближе къ послѣднему, но въ точности установить источники его очень трудно“. Трудностей въ разсмотрѣніи вопроса, подлежащаго изученію автора и многими учеными уже не разъ затрогивавшагося, отрицать нельзя. Для болѣе успѣшнаго рѣшенія его г. Смирнову нужно было напередъ обстоятельно ознакомиться съ тѣми порядками, которыхъ твердо держались тогда на Московскомъ печатномъ дворѣ при исправленіи и печатаніи книгъ. Близкое знакомство съ ними, вѣроятно, навело бы его на мысль обратить вниманіе на наши печатные Служебники раннѣйшихъ „выходовъ“, на примѣръ, на Кіевскія изданія (1629 и 1639 г.г.) и Московскія (1651—1652 г.г.), а главное побудило бы его самымъ тщательнымъ и детальнымъ образомъ изучить не только Типографскій

греческій Евхологій (№ 3092), но и самый Стрятинскій Служебникъ. Типографскій экземпляръ его (№ 852)—несомнѣнно *кавычный*, бывшій у sprawy Служебника 1655 года. Болѣе усердные поиски въ Типографской библиотекѣ увѣнчались бы, нѣтъ сомнѣнія, и находженіемъ такъ называемаго „перевода“ названнаго Служебника. Цѣлю патр. Никона было привести наши богослужебныя книги и обрядность въ согласіе съ греческими. Съ послѣдними знакомили московскихъ справщиковъ того времени Арсеній Сухановъ своимъ Проскинитаріемъ, патр. Аѳанасій въ своемъ „Толкованіи божественныя литургіи“, патр. Антіохійскій Макарій чрезъ свой Служебникъ. Мы не думаемъ, чтобы знакомство съ названными памятниками для нашего автора было дѣломъ бесполезнымъ. Впрочемъ и произведенное г. Смирновымъ сравнительно въ ограниченныхъ рамкахъ сопоставленіе Служебника 1655 г. съ Евхологіемъ 1602 г. и Стрятинскимъ Служебникомъ 1604 г. стоило ему немалаго труда. Досадно только, что выписанный безъ особенной нужды въ приложеніяхъ греческій текстъ изобилуетъ описками и погрѣшностями. Для присужденія степени кандидата трудъ удовлетворительный“.

35) О сочиненіи студента священника *Соболева Алексія* на тему: „Загробный міръ по древне-русскимъ представленіямъ“

а) Исправляющаго должность доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Работа свящ. Соболева представляетъ собою весьма основательное изслѣдованіе одного изъ важнѣйшихъ отдѣловъ древне-русскаго народнаго міросозерцанія. Въ одиннадцати небольшихъ главахъ здѣсь послѣдовательно излагаются представленія древне-русскихъ людей о загробномъ мірѣ. Матеріаль для возстановленія этихъ представленій черпается изъ тѣхъ же источниковъ, которые вообще служатъ основой нашихъ свѣдѣній о древнемъ міросозерцаніи народа. Сюда относятся: обряды и обычаи, языкъ, уцѣлѣвшія суевѣрія, памятники народнаго творчества—въ данномъ случаѣ похоронныя пѣсни и причитанія. Систематизируя этотъ матеріаль, отчасти уже изданный и освѣщенный изслѣдователями, отчасти добытый авторомъ на основаніи собственныхъ наблюденій надъ народной жизнью, свящ. Соболевъ посте-

пенно вводит читателя въ кругъ языческихъ представленій о смерти и о душѣ, вѣрованій въ пребываніе души по смерти на землѣ, въ невѣдомой странѣ и въ могилѣ, характеризуетъ понятія о загробномъ мірѣ и о возмездіи въ немъ, наконецъ, опредѣляетъ элементы христіанскаго вліянія, вошедшіе въ сферу языческихъ представленій о загробномъ мірѣ и слившіеся съ ними. Въ приложеніи приводятся три заплачки, записанныя авторомъ во Владимірской губ. и заключающія въ себѣ нѣсколько варіацій по сравненію съ аналогичными изданными причитаціями.

Одна изъ главныхъ трудностей, которыя приходилось преодолѣвать автору сочиненія, состояла въ наиболѣе цѣлесообразной распланировкѣ разнообразнаго матеріала, хаотически разсѣяннаго въ источникахъ. Но авторъ преодолѣлъ эту трудность въ высшей степени успѣшно: въ результатѣ получилась довольно законченная въ цѣломъ и отчетливая въ частностяхъ картина первобытныхъ представленій о загробной жизни. Заслуживаютъ одобренія и собранный здѣсь обильный матеріалъ, и его обработка. Авторъ хорошо изучилъ народную русскую словесность и владѣетъ научными методами ея изслѣдованія. Старательный анализъ матеріала далъ возможность ему не только подтвердить новыми соображеніями существующіе въ наукѣ взгляды на народныя вѣрованія въ загробный міръ, но и сдѣлать немало новыхъ указаній и цѣнныхъ сопоставленій.

Однакожь, стремленіе привести въ строгую послѣдовательность отдѣльные моменты первобытныхъ вѣрованій у автора иногда переходятъ границы возможнаго и пріобрѣтаетъ характеръ увлеченія и преувеличеній: представленія древнерусскаго человѣка о загробномъ мірѣ по мѣстамъ систематизированы болѣе, чѣмъ сколько на самомъ дѣлѣ можно систематизировать міросозерцаніе некультурнаго народа. Отсюда—нѣкоторые частные недостатки сочиненія: а) логическая послѣдовательность понятій сплошь и рядомъ принимается за фактическую (стр. 30 и др.); б) сближеніе понятій и образовъ, извлеченныхъ изъ разныхъ, не разграниченныхъ строго, сферъ иногда отличается фантастичностью, а услуги при этомъ филологіи и лингвистики оказываются легковѣсными или сводятся къ повторенію старыхъ не провѣренныхъ утвержденій (стр. 14 и др.); в) въ интересахъ своихъ обоб-

щеній авторъ нѣкоторымъ терминамъ придаетъ слишкомъ широкое, почти неуловимое, содержаніе и пользуется ими, какъ чѣмъ-то само собою понятнымъ,—какія, напр., историческія или хронологическія рамки должны мыслиться въ содержаніи понятія „нашъ предокъ“, съ которымъ мы имѣемъ дѣло на всемъ протяженіи сочиненія? или кого собственно нужно разумѣть подъ „родственными намъ народами“, если на стр. 203—204 сюда отнесены вмѣстѣ съ болгарами и греки, и литовцы, и прусаки?—Въ интересахъ самого автора нелишне попутно замѣтить, что для сравненія русскихъ погребальныхъ обрядовъ и пѣсенъ съ славянскими въ славянскихъ журналахъ накопилось немало интереснаго матеріала, который можно было бы использовать болѣе плодотворно, чѣмъ свѣдѣнія о вѣрованіяхъ австралійскихъ и др. дикихъ племенъ. Къ числу непохвальныхъ свойствъ сочиненія относятся также неумѣстные въ научной работѣ паеосъ и излишняя изобразительность стиля, нарушающая спокойную строгость мысли.

Указанные недостатки не препятствуютъ признать трудъ сваяц. Соболева весьма хорошимъ. Внимательное изученіе литературы, опредѣленность научныхъ взглядовъ, находчивость, зрѣлость и ясность мысли, наконецъ, неподдѣльная любовь къ занятіямъ русскимъ фольклоромъ даютъ основаніе не только признать автора заслуживающимъ кандидатской степени, но и, не вводя его въ самообманъ насчетъ его силъ, совѣтовать ему продолжать занятія въ избранной области“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. П. Соболевскаго*

„Сочиненіе это—очень обстоятельное, написано съ знаніемъ дѣла, хорошимъ языкомъ. Изъ недостатковъ его укажу слѣд.: 1) нѣкоторую растянутость его; 2) неправильное производство словъ: такъ, онъ считаетъ слова „шорі“ (лат.) и „мракъ“ имѣющими одинъ корень, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ; 3) большое количество орфографическихъ ошибокъ. Что касается послѣдняго пункта, то надо замѣтить, что сочиненіе писано двумя почерками, такъ что, очевидно, одна часть работы (можетъ быть, и вся она?) переписана не самимъ авторомъ. Поэтому можно думать, что орфографическія ошибки, всѣ или часть ихъ, принадлежатъ переписчику,

хотя всетаки и въ этомъ случаѣ авторъ виновенъ въ томъ, что не исправилъ ихъ. Вообще, мнѣ кажется, во избѣжаніе подобныхъ сомнѣній, слѣдовало бы требовать, чтобъ студенческія сочиненія были писаны авторами ихъ собственноручно.

Въ виду достоинствъ сочиненія по мысли и слогу считаю возможнымъ оцѣнить его балломъ 5—“.

36) О сочиненіи студента священника *Соколова Василя* на тему: „Леонтій Византійскій“. (Его жизнь и литературные труды).

а) Ординарнаго профессора *А. А. Спаскаго*.

„Богатое по содержанію и довольно пространное по объему, сочиненіе свящ. В. Соколова можетъ быть изложено въ отзывѣ только въ общихъ чертахъ. Обзорѣвъ кратко существующія въ западной наукѣ изслѣдованія о Леонтіи Византійскомъ и указавъ ихъ относительное значеніе въ ходѣ изученія вопросовъ, связанныхъ съ именемъ этого писателя (5—29), авторъ даетъ характеристику эпохи Леонтія, отразившуюся ярко въ направленіи и содержаніи его трудовъ (30—57). Далѣе слѣдуютъ отдѣлы, обычные во всякихъ монографіяхъ: 1) время жизни и біографія Леонтія (57—144); 2) ученія произведенія его и историческая судьба ихъ (144—282). Центральные пункты труда автора составляютъ части IV и V, гдѣ обрисовывается ученая фізіономія (283—523) и догматическое ученіе Леонтія (524—654). Сочиненіе заканчивается оцѣнкой ученой дѣятельности Леонтія и значенія ея въ исторіи церкви (655—685).

Авторъ имѣлъ предъ собою хотя и небольшую, но основательную и обильную по содержанію западную ученую литературу, исключительно посвященную Леонтію. Во многихъ случаяхъ это облегчало ему путь, но столько же и затрудняло его. Въ виду сложности вопросовъ, группирующихся около Леонтія, недостаточности историческаго преданія касательно личности самого Леонтія и приписываемыхъ ему сочиненій, каждый изъ западныхъ изслѣдователей выступалъ со своимъ мнѣніемъ, со своей оригинальной теоріей и, такимъ образомъ, создавался рядъ гипотезъ, гдѣ время жизни Леонтія, частности его біографіи, и въ особенности составъ дѣйствительно принадлежащихъ ему трудовъ опредѣлялся

иногда совершенно противоположными рѣшеніями. Все это оставляло достаточный просторъ для самостоятельной работы автора, и онъ вполне воспользовался имъ.

Главнымъ достоинствомъ труда о. Соколова является всестороннее и глубокое изученіе произведеній самого Леонтія. Леонтіи возстановленъ здѣсь во всѣхъ своихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Авторъ съ замѣтнымъ увлеченіемъ анализируетъ каждую фразу, каждую мысль своего писателя, раскрываетъ внутренней смыслъ ея, мотивы, вызвавшіе ее, и пѣли, преслѣдуемая ею,—и трудно было бы указать какой-нибудь мелкій вопросъ, касающійся возрѣвній Леонтія, который такъ или иначе не затронуть былъ бы авторомъ. Въ особую заслугу ему долженъ быть поставленъ его подробный анализъ термина: „*ἐνυπόστατος*“, впервые вполне примененнаго Леонтіемъ къ христологіи, разрѣшившаго окончательно всѣ терминологическія трудности, соединенныя съ христологической проблемой и обозначиваващаго въ восточной церкви окончательную побѣду халкидонскаго собора (491—507), при чемъ и христологія Леонтія (524—554) получила у него болѣе цѣльный и систематическій характеръ. При всемъ своемъ глубокомъ уваженіи къ личности Леонтія.—можно сказать, восхищеніи предъ нимъ, авторъ не преувеличиваетъ его заслугъ, ставитъ его въ рядъ другихъ историческихъ лицъ, работавшихъ на одномъ съ Леонтіемъ поприщѣ, и правильно опредѣляетъ его историческое положеніе (655—685, ср. стр. 55. 410—427).

Существующая на западѣ, такъ или иначе связанная съ именемъ Леонтія, литература использована о. Соколовымъ до послѣднихъ мелочей, до мелкихъ библиографическихъ замѣтокъ и біографическихъ замѣчаній издателей (стр. 231. 230). Это подробное знакомство съ западной литературой дало ему полную возможность внести свой вкладъ въ исторію сочиненій, написанныхъ именемъ Леонтія. Таковъ напр. отдѣлъ о схолии Леонтія, гдѣ авторъ на основаніи новаго изданія „*Patrum doctrina de Verbi incarnatione*, сдѣланнаго Diekamp'омъ, отвергнувъ теорію о схолии, построенную Loofs'омъ какъ первоначальномъ источникѣ всѣхъ произведеній Леонтія, создалъ свой собственный и основательный взглядъ на происхожденіе и содержаніе ея (стр. 202—238). Кромѣ печатныхъ источниковъ и пособій, авторъ привлекъ къ раз-

рѣшенію своей задачи и данныя греческихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки, которыя, между прочимъ, помогли ему разрѣшить одну немаловажную загадку, связанную съ именемъ Леонтія. Дѣло въ томъ, что дошедшія до насъ рукописи, содержащія его трудъ: „Схолія“, въ надписаніи его добавляють: *ἀπὸ χειρὸς Θεοδώρου*. Какъ самый смыслъ надписанія, такъ въ особенности личность этого неизвѣстнаго Феодора вызвала много догадокъ въ посвященной Леонтію ученой литературѣ. Наблюденія о. Соколова надъ рукописями Синодальной бібліотеки, гдѣ встрѣчается фраза: *ἀπὸ χειρὸς Θεοδώρου*, привело его къ правильному и самому исторически-естественному заключенію, что этимъ Феодоромъ могъ быть только Феодоръ Скиѳопольскій (стр. 73. 74).

Методъ, какимъ руководится авторъ во всемъ своемъ изслѣдованіи, носитъ на себѣ учено-критическій характеръ. Даже воплѣ установленный въ наукѣ результатъ (напр. сочиненіе Леонтія противъ несторіанъ и евтихіанъ) онъ не прежде принимаетъ, какъ провѣривъ его показаніями самого Леонтія. Вообще онъ предпочитаетъ обсуждать съ наибольшею тщательностію тѣ вопросы, о которыхъ еще не высказано опредѣленнаго сужденія, гдѣ, слѣдовательно, въ наибольшей мѣрѣ можно приложить критическій методъ и достигнуть сравнительно самостоятельныхъ выводовъ, что по мѣстамъ и удается ему. Онъ пишетъ для науки, а не для обычныхъ читателей, и потому пункты, окончательно разъясненные въ наукѣ, не воспроизводитъ въ своемъ сочиненіи, а отсылаетъ читателя уже къ существующимъ изслѣдованіямъ (стр. 161 прим.; 181, прим. 1; 202, прим. 1 и др.) и въ своихъ сужденіяхъ о литературныхъ трудахъ Леонтія болѣе основывается на рукописныхъ данныхъ, чѣмъ на печатныхъ изданіяхъ ихъ.

На фонѣ этой серьезной и научной постановки всего изслѣдованія о. Соколова обращаетъ на себя вниманіе своею необработанностію отдѣлъ, занимающій стр. 303 — 362, гдѣ авторъ стремится констатировать „итоги христологическаго ученія къ началу VI вѣка“. О. Соколовъ взялъ на себя непосильную задачу — изложить христологию Аѳанасія Александрійскаго, Аполлинарія Лаодикійскаго, — триады Каппадокійцевъ: Василія Великаго, Григоріевъ—Богослова и Нисскаго, Кирилла Александрійскаго, Феодора Мопсуестскаго и Несто-

рія—изъ восточныхъ; изъ западныхъ Тертуллиана, Иларія Пуатъскаго и Льва I, папы римскаго. Уже одинъ перечень этихъ именъ показываетъ, какую массу труда нужно положить, чтобы болѣе или менѣе кратко, и въ тоже время *точно* воспроизвести хринологическое ученіе этихъ знаменитыхъ мужей древней церкви. Отсюда понятно, что весь этотъ отдѣлъ сочиненія о. Соколова носитъ на себѣ слабо-компилятивный характеръ и нарушаетъ солидную цѣльность его. Да онъ и не требуется существомъ дѣла: во - первыхъ, все, что нужно для его задачи, онъ изложилъ въ отдѣлѣ объ александрійской и антиохійской школѣ (366 стр. сл.), а во-вторыхъ и по ходу его мыслей и рѣчи онъ является какой-то случайной вставкой. Приступая къ характеристикѣ „ученой фізіономіи“ Леонтія, авторъ совершенно правильно и вѣрно останавливается на анализѣ постановленія халкидонскаго собора и недостаточной опредѣленности его терминологической формулы (305 стр.) и, затѣмъ, вставивъ отдѣлъ объ итогахъ хринологическаго ученія до 6-го вѣка, онъ *вновь* переходитъ къ тому же тезису о недостаточности халкидонской формулы (362 стр.). Этотъ тезисъ и долженъ служить исходнымъ пунктомъ для его работы въ вопросѣ изученія догматическихъ воззрѣній Леонтія. Онъ долженъ быть еще болѣе развитъ и пополненъ анализомъ тѣхъ регулятивовъ (посланій Кирилла Александрійскаго и письма папы Льва I), какія намѣтилъ халкидонскій соборъ для правильнаго истолкованія его догматической формулы, къ сожалѣнію упущенныхъ авторомъ совсѣмъ изъ вниманія.

Оставляя въ сторонѣ этотъ неудачный отдѣлъ, который просто можно зачеркнуть перомъ, сочиненіе о. Соколова слѣдуетъ признать солиднымъ ученымъ трудомъ. Впитавъ въ себя все лучшее и цѣнное, добытое западной наукой касательно Леонтія, авторъ внесъ новыя данныя даже въ такой трудный вопросъ, какъ составъ и происхождение литературнаго творчества Леонтія. Ученая фізіономія Леонтія возстановлена имъ съ такой полнотой, отчетливостью и основательностью, какая еще не удавалась никому до сихъ поръ изъ предшествовавшихъ ему изслѣдователей. Было бы мало, поэтому, сказать, что сочиненіе о. Соколова заполняетъ собой пустое мѣсто въ нашей пока еще все бѣдной церковно-исторической литературѣ: оно вноситъ не мало новаго и въ

научное изученіе Леонтія вообще, и потому имѣть безотнoсительную научную цѣнность. И, конечно, оно не должно остаться пустымъ бумажнымъ хламомъ: при нѣкоторой переработкѣ, оно можетъ составить хорошую магистерскую диссертацію.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ вполне“.

б) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Можно сказать, что авторъ съ полнымъ успѣхомъ выполнилъ взятую имъ на себя задачу и въ своемъ изслѣдованіи далъ весьма много цѣннаго матеріала для выясненія личности Леонтія Византійскаго и характеристики его литературной дѣятельности. Особенно умѣло авторъ разбирается въ массѣ разнообразнаго матеріала, приведеннаго имъ въ качествѣ даннаго для опредѣленія самой личности Леонтія. И кажется, что преимущественная доля вниманія и большая доля научной энергіи автора и ушла на первую половину его сочиненія, гдѣ пришлось ему путемъ самаго осторожнаго и утонченнаго анализа сочиненій съ именемъ Леонтія и сочиненій другихъ авторовъ, говорящихъ о немъ, добывать матеріаль для біографіи Леонтія, опредѣленія его ученыхъ трудовъ, судьбы ихъ и ученой фізіономіи самого Леонтія (Части 1, 2, 3 и 4) (стр. 30—527). И вотъ здѣсь-то въ опредѣленіи личности Леонтія, думается, авторъ дѣлаетъ ошибку въ самомъ планѣ работы; именно: лучше бы было сначала говорить о трудахъ съ именемъ Леонтія, ихъ анализировать и добытыми отсюда данными пользоваться для біографіи. Начавъ же рѣчь съ біографіи Леонтія и опредѣливъ личность Леонтія и время его жизни (1 гл.) авторъ все время апеллируетъ къ тому, о чемъ онъ опять говоритъ потомъ специально во 2-й части сочиненія, со 144-й стр., т. е. къ сочиненіямъ Леонтія (см. стр. 90, 96, 101, 105 и 117 особенно).

„Кто именно былъ *нашъ* Леонтій?“, спрашиваетъ авторъ и говоритъ: „разбираясь въ памятникахъ письменности первой половины VI вѣка, мы находимъ много людей, носящихъ употребительное у грековъ имя Леонтія, такъ что вовсе не легкая задача точно и опредѣленно остановиться на к. н. Леонтіи, какъ Византійскомъ, авторѣ приписываемыхъ ему сочиненій“ (стр. 81). И все время въ 1-й ча-

сти своего сочиненія авторъ опредѣляя и какъ бы отыскивая подлинную личность того Леонтія, о которомъ онъ пишетъ, однако говорить объ этомъ еще только искомомъ „нашъ Леонтій“, что уже явно предполагаетъ нѣчто опредѣленное и извѣстное автору (стр. 81—83 ср. 108 стр.). Получается впечатлѣніе какого-то путаннаго круга или лабиринта и кажется авторъ по совѣсти и искренно не можетъ какъ будто сказать,—о какомъ Леонтіи онъ пишетъ. И наоборотъ, искомое какъ бы предполагается извѣстнымъ уже (стр. 117). Думается, что подобнаго явленія можно было лучше избѣжать, если сначала сказать бы о сочиненіяхъ Леонтія и ихъ проанализировать, какъ это и дѣлали западные ученые. Авторъ вѣдь и самъ сознается въ этомъ, когда говоритъ на 117 стр., что наилучшимъ критеріемъ для окончательнаго опредѣленія личности Леонтія могутъ и должны служить самыя сочиненія Леонтія. Вотъ почему все сказанное авторомъ до 136 стр. мало даетъ основаній для тѣхъ окончательныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ выводовъ касательно личности Леонтія, какія авторъ дѣлаетъ послѣ 136 стр. и до конца 1-й части 177 стр. и это резюме не стоитъ въ органической связи какъ выводъ изъ добытаго раньше, и какъ-то само по себѣ. Чувствуется, что авторъ болѣе способный, скажемъ отличный и умѣлый работникъ въ сыромъ матеріалѣ, отличный аналитикъ, но менѣе умѣлый систематизаторъ и творецъ. Вотъ почему у него замѣтно особенное какое-то пристрастіе и какъ бы невольное плѣненіе его мысли вопросами побочными и частными въ цѣломъ планѣ его сочиненія. Очень много напр. онъ говоритъ объ интерполированныхъ сочиненіяхъ Леонтія, о такихъ по существу побочныхъ вопросахъ, о коихъ ему можно было сказать кратко и по существу, какъ о направленіяхъ Александрійской и Антиохійской школъ, о нѣкоторыхъ св. отцахъ, напр. Кириллѣ Алекс. и о другихъ восточныхъ отцахъ (см. особ. IV часть сочиненія). И все это потребовало конечно массу времени и труда, такъ что вопросъ о догматическомъ ученіи Леонтія, очень важный по существу дѣла (V часть), разработавъ значительно слабѣе и блѣднѣе, нежели вопросы первыхъ четырехъ главъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія авторъ какъ бы даже нѣсколько развѣнчиваетъ Леонтія (напр. въ отдѣлѣ „богословско-философское направленіе Леонтія“, стр.

366 — 467), отказывая ему въ оригинальности (см. 408 — 410 стр.) и низводя его съ той высоты, на какую раньше онъ его ставилъ (см. стр. 563—564; 674 стр.). Можетъ быть впрочемъ это результатъ его болѣе близкаго знакомства съ трудами Леонтія и продуманности ихъ въ сравнительной оцѣнкѣ съ трудами прежнихъ писателей.

Указывая не столько недостатки сочиненія автора, сколько характерныя черты его труда, мы нисколько не думаемъ умалять его достоинствъ. Авторъ сдѣлалъ своимъ сочиненіемъ цѣлльй вкладъ въ церковно-историческую науку и проявилъ громадную научную работоспособность, такъ что хочется пожелать ему отъ души не бросать научныхъ занятій, хочется, чтобы онъ и попалъ въ обстановку благоприятную для его ученыхъ работъ или по крайней мѣрѣ для того, чтобы означенное сочиненіе вышло въ свѣтъ въ видѣ магистерской диссертациі. Степени кандидата богословія за свое сочиненіе священникъ Соколовъ Василиій вполне достоинъ“.

37) О сочиненіи студента *Соколова Петра* на тему: „Изложеніе и разборъ взглядовъ Лобштейна на предметъ, задачу, источникъ, норму, методъ и планъ догматики“.

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора *А. Д. Бѣллева*

„Свои взгляды на предметъ, задачу, источникъ, норму, методъ и планъ догматики Стразбургскій профессоръ П. Лобштейнъ раскрылъ въ сочиненіи „*Essai d'une introduction à la dogmatique protestante*“, вышедшемъ въ Парижѣ въ 1896 г., а еще въ нѣсколькихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ журналахъ. Книга Лобштейна и была источникомъ для сочиненія Петра Соколова. Его сочиненіе распадается, кромѣ введенія, на шесть главъ. Во введеніи, перечисливши сочиненія Лобштейна, онъ твердо устанавливаетъ положеніе, что Лобштейнъ по своимъ основнымъ богословскимъ воззрѣніямъ принадлежитъ къ школѣ Ричля (1—20 стр.). Затѣмъ онъ излагаетъ и оцѣниваетъ взгляды Лобштейна—въ первой главѣ на предметъ догматики (21—120), во второй на задачу ея (120—144), въ третьей на источникъ ея (145—170), въ четвертой на норму ея (170—228), въ пятой на методъ ея (228—267) и въ шестой на планъ ея (267—325). Въ шести главахъ онъ рассмотрѣлъ все содержаніе книги Лобштейна,

раздѣленной на семь главъ. Въ каждой главѣ авторъ сочиненія сначала довольно подробно, указывая на страницы книги Лобштейна, излагаетъ воззрѣнія этого богослова и аргументацію ихъ, а потомъ, во второй половинѣ главы, подвергаетъ ихъ критическому разбору, опредѣляя, что въ его взглядахъ удобопріемлемо для православнаго богословія, что совсѣмъ должно быть отвергнуто, какъ ложное, и что можетъ быть принято, но въ измѣненномъ и исправленномъ видѣ.

Взгляды Лобштейна изложены авторомъ сочиненія довольно полно и вѣрно. Эта часть его труда облегчалась легкостью, ясностію и общедоступностію изложенія, которыми отличается книга Лобштейна. Для знающаго французскій языкъ трудностей она не представляетъ.

Что касается до критической части труда, то по объему своему она значительна. Впрочемъ кое-гдѣ она могла бы быть пополнена ссылками на примѣры, которыми пояснялись бы и подтверждались отвлеченныя разсужденія и соображенія. По своимъ качествамъ критика автора сочиненія не можетъ быть признана ни глубокой, ни изобильной по учености, но ее нельзя не назвать дѣловитой, умѣренной, трезвой и правдивой. Во всякомъ случаѣ главные недостатки въ воззрѣніяхъ Лобштейна указаны и имъ противопоставлены правильныя воззрѣнія.

Пособіями при написаніи критической части сочиненія автору его служили системы православнаго догматическаго богословія, нѣсколько журнальныхъ статей и нѣкоторыя книги. Изъ послѣднихъ большую помощь ему оказала книга профессора В. Керенскаго: „Школа ричліанскаго богословія въ лютеранствѣ“. Казань. 1903 г., а по вопросу о значеніи символовъ сочиненіе профессора Н. Чельцова: „Собраніе символовъ и вѣроизложеній православной церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней“. Спб. 1869 г. Изъ сочиненій на французскомъ языкѣ Петръ Соколовъ основательно ознакомился съ введеніемъ въ книгу Юлія Бовона „Dogmatique chrétienne“, первый томъ которой вышелъ годомъ раньше книги Лобштейна. Но такъ какъ этотъ Швейцарскій ученый принадлежитъ къ школѣ Ричля, то знакомство съ началомъ его двутомнаго сочиненія дало возможность г. Соколову только тамъ и здѣсь указывать на сходство воззрѣній Лобштейна и Бовона. Большую помощь при написаніи крити-

ческой части могла бы оказать автору сочиненія нѣмецкая литература, изобилующая книгами и журнальными статьями, направленными противъ нѣмецкихъ ричліанцевъ; но онъ не могъ воспользоваться ею по недостаточному знанію нѣмецкаго языка.

Въ литературномъ отношеніи сочиненіе Петра Соколова можно признать отличнымъ.

Сочиненіе вполне достаточно для присужденія автору его степени кандидата богословія“.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Тартева*:

„Г. Соколовъ излагаетъ догматическія воззрѣнія Лобштейна въ шести главахъ, въ строгомъ соотвѣтствіи съ данной темой. Критическія замѣчанія автора сопровождаютъ каждый отдѣлъ. Онъ широко воспользовался общей характеристикой и критикой школы Ричля, къ которой принадлежитъ Лобштейнъ, въ извѣстной книгѣ проф. Керенскаго. Сочиненіе написано безъ претензій на оригинальность, добросовѣстно и складно. Въ сужденіяхъ о предметѣ своего изслѣдованія г. Соколовъ стоитъ вполне на православной точкѣ зрѣнія. Степени кандидата богословія заслуживаетъ“

38) О сочиненіи студента *Счастлива Михаила* на тему: „Кровавыя жертвы въ ветхозавѣтномъ культѣ (по даннымъ Библии и талмуда)“.

а) Исправляющаго должность доцента *священника Евгенія Воронцова*:

„Сочиненіе г. Счастлива должно было представлять опытъ описанія обрядности кровавыхъ жертвоприношеній по даннымъ Библии и талмуда, по преимуществу мишны трактата „Зевахимъ“. Однако г. Счастливъ значительно раздвинулъ рамки своего изслѣдованія и далъ въ сочиненіи слѣдующіе отдѣлы: 1) Введеніе, гдѣ говоритъ о всеобщности и необходимости культа, останавливаясь главнымъ образомъ на его психологическихъ основахъ, 2) Главу I, гдѣ пытается опредѣлить происхожденіе именно кровавыхъ жертвъ, 3) Главу II, гдѣ собираетъ свѣдѣнія о гемофилии въ древнихъ культахъ, стоящей въ связи съ представленіемъ о крови, какъ о сѣдалищѣ души (*anima purpurea*), 4) Главу III, гдѣ описываетъ